КИР БУЛЫЧЕВ

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ МИКРОБ

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Кир Булычев
Глубокоуважаемый микроб (сборник)
Серия «Гусляр»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9755705
Кир Булычев.Глубокоуважаемый микроб (сборник): Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05605-4

Аннотация

В Великом Гусляре снова происходят невероятные события. Житель города Корнелий Удалов получил жутковатое приглашение от межпланетной организации с таинственным названием СОС. И пока он размышлял, как бы ему избежать этой «поездки», из воздуха материализовался космический гость и, схватив Корнелия за руку, увлек его за собой к межпланетному кораблю…

Содержание

Глубокоуважаемый микроб 5
Глава первая, 5
Глава вторая, 7
Глава третья, 15
Глава четвертая, 23
Глава пятая, 28
Глава шестая, 35
Глава седьмая, 43
Глава восьмая, 52
Глава девятая, 62
Глава десятая, 69
Глава одиннадцатая, 76
Глава двенадцатая, 85
Глава тринадцатая, 97
Глава четырнадцатая, 103
Глава пятнадцатая, 111
Глава шестнадцатая, 126
Глава семнадцатая, 132
Конец ознакомительного фрагмента. 139

Кир Булычев
Глубокоуважаемый микроб (сборник)

Издательство выражает признательность М. Ю. Манакову за помощь в составлении книги

© К. Булычев, наследники, 2014
© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Глубокоуважаемый микроб

Глава первая, в которой Корнелий Удалов получает приглашение на СОС и принимает решение

Утренняя почта доставила Корнелию Ивановичу Удалову авиаконверт, в котором было письмо следующего содержания:

> Уважаемый Корнелий!
>
> Ты приглашен на первый СОС делегатом от Земли с правом решительного голоса. Твое явление обязательно. В случае неявления ответственность делит вся Земля, которая будет дешифиширована сроком на 34 про-ку-ла.
>
> Первый СОС состоится с 21 по 36 июля с. г. по адресу: 14xxXX-5:%=ъ34.
>
> Транспорт, сопровождение, кормление, погребение (в случае необходимости), приемлемую температуру и влажность обеспечивает Оргкомитет СОС.
>
> *Созывающий секретарь ОК СОС Г-Г.*

Удалов дважды прочел приглашение, потом подошел к ок-

ну и с грустью поглядел на двор. Двор был зеленым, уютным, старуха Ложкина развешивала белье, тяжелые капли воды падали с белых простыней на траву, рыжий петух взлетел на раскрытую дверь сарая и громко хлопал крыльями, из окна Гавриловых доносилась джазовая музыка, а по голубому утреннему небу плыли розовые облака, под которыми с пронзительными криками носились стрижи. И вот этот мирный, обжитой и родной мир придется покинуть ради неизвестного СОС, ради сомнительных наслаждений и реальных опасностей космического путешествия.

– Придется ехать, – сказал Удалов, отворачиваясь от окна и с нежностью глядя на Ксению, которая собирала на стол завтрак. – Какое сегодня число?

– Восемнадцатое, – ответила Ксения, поглядев на настенный календарь. – Куда собрался? Опять на рыбалку?

– Три дня всего осталось, – задумчиво произнес Удалов. – Не на рыбалку, а на первый СОС.

– И не мечтай, – возмутилась Ксения. – Хватит с нас. Небось опять пришельцы? Опять жертвовать своим временем и нервами ради галактической дружбы?

– Надо, Ксюша, – сказал Удалов и сел за стол. Позавтракав, он пошел к Николаю Белосельскому.

Глава вторая, в которой Удалов беседует с Николаем Белосельским и выслушивает возражения

Николай Белосельский учился в одном классе с Корнелием Удаловым. Окончив школу с золотой медалью, уехал в область, где с отличием завершил высшее образование, а затем, заслужив уважение своими способностями и любовью к работе, был направлен в родной город на руководящий пост.

Белосельский возвращался в Великий Гусляр с большой неохотой. Он был человеком принципиальным, серьезным и объективным, а потому предчувствовал неизбежность конфликтов. Живое воображение подсказывало ему, что при известии о его скором приезде многие жители города начнут говорить: «Как же, помню Кольку Белосельского! Я с ним в детском саду баловался». Или: «Колечка? Белосельский? Близкий человек! Моя двоюродная сестра Леокадия была замужем за его дядей Костей». Беда небольшого города в том, что все всех знают.

Предчувствия Белосельского оправдались. На улицах к нему подходили незнакомые люди, напоминали об общем счастливом детстве, а затем приглашали в гости или просили протекции. В кабинет проникали троюродные бабушки,

желавшие улучшить жилищные условия, и приятельницы по пионерскому лагерю, лгавшие о непогасшей любви.

Белосельский стал нелюдим, избегал людей, страшась неожиданного крика «Колька, друг!», был строг к родственникам и похудел. Он мечтал о переводе в далекий Петропавловск-Камчатский. Но своей принципиальности он не изменил.

Удалов знал о драме Белосельского и поэтому, хоть и сидел с ним шесть лет за одной партой и совместно владел голубятней, ни разу не зашел к нему домой, а встречаясь на совещаниях, сдержанно здоровался, избегая прямого обращения. Белосельский тосковал по старой дружбе и рад был как-нибудь посидеть с Удаловым, вспомнить далекое детство, но сдерживался. Борьба с фаворитизмом не должна знать исключений.

Удалов вошел в кабинет Белосельского и с порога сказал:

– Доброе утро. Я по делу.

– Здравствуй, Корнелий, – ответил Белосельский. При виде Удалова взгляд его смягчился, и ему захотелось сказать бывшему другу что-нибудь теплое. – Погода хорошая в этом году. Радует нас июль.

– Да, жарко, – согласился Удалов.

– Ты садись. Как в стройконторе дела? План сделаете?

– Постараемся, – сдержанно пообещал Удалов, сел и вытащил из кармана приглашение.

– Когда в отпуск? – спросил Белосельский.

– Уж и не знаю. Собирался в августе, да вот… Надо посоветоваться.

Он ладонью перегнал по столу к Белосельскому приглашение и стал ждать.

Белосельский внимательно прочел письмо, кинул на Удалова быстрый взгляд, затем вынул из деревянного высокого стакана хорошо заточенный карандаш и стал читать письмо вновь, помечая галочками ошибки и ставя в непонятных местах на полях вопросительные знаки. Удалов глядел в окно, за которым ворковали голуби, и мечтал о рыбалке.

Дочитав письмо вторично, Белосельский задумался, не поднимая глаз. В письме таилась каверза. Не стоило распускаться и радоваться при виде Удалова. Ведь он друг детства и потому вдвойне опасен. Недаром он все эти месяцы держался на расстоянии и проявлял тактичность. И ты, Брут, расстроился Белосельский. Уж лучше бы попросил новую квартиру. Думая так, он нечаянно встретился взглядом с чистыми, голубыми глазами Удалова, увидел его гладкий выпуклый лобик, полные розовые щеки, курчавую поросль вокруг ранней лысины и неожиданно для себя спросил:

– СОС – это что такое?

– Ума не приложу, – честно признался Удалов.

– Ясно, – сказал Белосельский. Потом добавил: – Как известно, в июле тридцать один день.

– У них, видно, система отсчета другая, – сказал Удалов. – Так может, не стоит ехать?

– Не стоит, – согласился Белосельский.

– И жена будет рада. Недовольна она моими космическими связями. Ревнует.

– О семье тоже подумать надо, – сказал Белосельский. – О семье мы зачастую забываем.

– Значит, решили? Мне же посоветоваться надо было. А с кем посоветуешься по такому вопросу? Я пошел? А то в контору опоздаю.

– Иди. Работай спокойно.

– Спокойно не получится, – возразил Удалов. – Спокойно нельзя, потому что буду тревожиться за судьбу Земли.

– А что такое?

– Дешифишировкой грозят. На тридцать четыре про-кылы.

– Про-ку-ла, – поправил Белосельский, заглянув в приглашение. – Чепуха какая-то.

– Конечно чепуха, – согласился Удалов. – Может, обойдется.

Белосельский подчеркнул слово «дешифиширована» красным карандашом.

– В словарь иностранных слов заглядывал? – спросил он.

– Там нету. У них своя терминология.

Белосельский посмотрел в окно. Ворковали голуби, облака сгустились, в отдалении гремел гром. Белосельскому очень хотелось уехать в Петропавловск на далекую Камчатку, где нет друзей детства.

– Значит, игнорируем? – переспросил Удалов. Он стоял посреди кабинета, переминался с ноги на ногу. Ему было не по себе, что он поставил Колю Белосельского в неловкое положение.

– А если это не шутка? Нам бы ясность.

– Откуда ей быть?

– А как ты планировал туда ехать? Адрес неразборчивый.

– Для них понятно. Для них это все равно что для нас Малые Кочки.

Друзья детства немного помолчали. Удалов подумал, что, если удастся отделаться от СОС, надо будет позвать Колю на рыбалку.

– Если приедут, – решил Удалов, – я им скажу, что заболел. Или теща заболела. Дипломатично, и никто не в обиде.

– Это разумно, – согласился Белосельский. Он понял, что Удалов искренен и прост. – Так и скажешь.

– А это… насчет рыбалки. – Но завершить приглашение Удалов не успел.

Посреди кабинета, как раз между Удаловым и столом Белосельского, возник человек в черном трико. В облике его было что-то неземное.

– Простите, – сказал человек быстро, с легким инопланетным акцентом. – Я из СОС. Ищу Удалова Корнелия. Корабль на орбите. В чем задержка?

– Я не еду, – быстро произнес Удалов. – Я заболел.

– Поедешь, – просто ответил человек в трико. – Надо,

Корнелий.

– Погодите, – вмешался в разговор Белосельский. – Во-первых, это мой кабинет.

– При чем здесь кабинет? – удивился человек в трико. – Я должен доставить Удалова на первый СОС, а у нас пересадка на Альдебаране. Времени в обрез.

И посланец СОС властно положил руку на плечо Удалову.

Удалов метнул отчаянный взгляд на Белосельского. Что еще придумать?

– Может быть, произошла ошибка? – спросил Белосельский. – Может быть, вы ищете другого Удалова?

– Именно этого, – сказал посланец. – Он уже вычислен и по всем параметрам подходит для СОС.

– Так хоть скажите, кто такой этот СОС! – взмолился Удалов, пытаясь высвободить свое мягкое плечо от железной хватки человека в трико.

– Съезд Обыкновенных Существ.

– Я недостоин!

– Правильно, – поддержал Удалова Белосельский. – Почему представлять Землю на международном форуме должен именно Корнелий Иванович? Мы могли бы порекомендовать вам более достойных представителей. Например, инженера Сидорова. Общественник, спортсмен, рационализатор, выдающийся человек.

– Правильно! Сидорова! – крикнул Удалов.

– Нам не нужен Сидоров, – возразил посланец. – Нам ну-

жен Удалов.

– Странно, – удивился Белосельский, и в этот момент зазвонил телефон.

Белосельский взял трубку, не согнав хмурой складки со лба. А Удалов, воспользовавшись паузой, спросил посланца:

– Домой за вещами можно зайти?

Удалов уже понял, что от СОС ему не отвертеться.

– Некогда. – Посланец подхватил Удалова за пояс и сильно повлек вверх, к потолку.

Последнее, что Удалов увидел в кабинете Коли Белосельского, было запрокинутое кверху встревоженное лицо старого друга. Лицо пропало, и через секунду Удалов, подлетая к небольшому летающему блюдцу, уже смотрел на Великий Гусляр с высоты километра.

А Белосельский, проводив глазами Удалова, произнес в телефонную трубку:

– Повторите, что вы сказали?

– Не пускайте Удалова на СОС, – ответил странного тембра далекий голос с инопланетным акцентом. – Это может трагически кончиться для Земли.

– Кто вы?

– Доброжелатель.

– Удалов уже улетел, – сообщил Белосельский. – Назовите свое имя и причины, по которым вы не желаете присутствия Корнелия Ивановича на международном съезде.

– Жаль, что упустили, – ответил инопланетный голос. –

Пеняйте на себя.

В трубке что-то щелкнуло, и затем женский голос известил:

– Разговор с омегой Дракона закончен. Три минуты.

Белосельский сказал: «Спасибо» – и медленно положил трубку.

Глава третья, в которой Удалов совершает пересадку на Альдебаране

Космический корабль набрал скорость. Земля скрылась из глаз, и Солнце превратилось в незначительную желтую звезду. За иллюминатором клубились туманности. Удалов отошел от окна и похлопал себя по карманам, проверяя, на месте ли документы. Посланец поставил корабль на автопилот и обратился к Удалову:

– Повезло. Успели.

– А что? – спросил Удалов.

– Могли задержать. Что-то твоя, Удалов, скромная персона вызывает повышенный интерес в определенных кругах.

– Вот это лишнее, – сказал Удалов. – Я к вам на СОС не напрашивался, лечу из чувства долга. В любой момент согласен вернуться. Тем более что на Земле миллионы более достойных.

– Может быть, – согласился посланец, – достойных миллионы, а Удалов один.

– Ну что ж, – не стал спорить Удалов, – будем считать, что мне повезло. Увижу новых братьев по разуму.

– Садись, перекуси, – уклончиво ответил посланец. – На Альдебаране буфет паршивый.

Они пообедали и начали торможение перед Альдебараном.

Любознательный Удалов был потрясен зрелищем космопорта на Альдебаране. В громадных залах гуляли, сидели, отдыхали, парили, висели вниз головами, спорили, ожидали, стояли в очередях за билетами, питались в буфете десятки тысяч альдебаранцев, сирианцев, дескасийцев, тори-тори, прулей, кофкриавфеев, 45/67-цев, молчаливых испужников, вегиан, плетчиков, моссадеров, антропоидных локов, порников, апрет-тт-воинейцев и многих других, имен которых Удалов не запомнил. И ни одного обитателя Солнечной системы.

Посланец быстро провел обалдевшего от разнообразия разумной жизни Удалова сквозь толпу, протолкнул его в узкую дверь с непонятной надписью и сказал:

– Жди здесь. Рекомендую не покидать помещения. Иначе пеняй на себя. А я билеты закомпостирую.

Посланец удалился, а Корнелий Иванович осмотрел помещение. По здешним меркам оно было невелико, от изящного фонтана распространялся мускусный аромат, вокруг стояли мягкие кресла. Большинство кресел пустовало. В остальных скучали существа в странных одеждах.

Удалов прошел к свободному креслу и сел. Он старался вести себя так, словно космические путешествия ему не в диковинку. В общем, это так и было, хотя Удалов уже три года не попадал в дальний космос, а на великом пересадоч-

ном вокзале Альдебарана оказался впервые.

Остальные обитатели кресел кинули в сторону Удалова равнодушные взгляды и вернулись к своим занятиям. Было тихо. Порой динамик под потолком начинал урчать на чужих языках, видимо объявляя посадку. Удалов подумал: как там Ксения, наверное, волнуется? Послать бы ей телеграмму, да разве здесь отыщешь телеграф? На всякий случай он обратился к своему соседу, который снизу и до плеч был схож с человеком, но книжку, которую он читал, держал в цепких щупальцах, склонив к странице изысканную пернатую голову с клювом вместо носа.

– Простите, – сказал Удалов. – Вы не знаете, здесь телеграммы на Землю принимают?

Существо отложило книжку, склонило голову набок и сказало:

– Чир-чрик-чири-пипити.

– Простите?

– Не обращайте внимания, – послышался голос с другой стороны. – Он по-русски не понимает.

Удалов с чувством облегчения повернулся в сторону голоса и увидел подтянутого, стройного и хорошо одетого кузнечика метрового роста.

– А вы понимаете?

– Я понимаю, – сказал кузнечик. – Я синхронный переводчик. Лечу на первый СОС.

– И много языков знаете? – спросил Удалов.

– Трудно сказать, не считал, – ответил кузнечик. – А вы, судя по нерешительности манер, провинциальному виду и глуповатому лицу, из города Великий Гусляр?

– Угадали! – обрадовался Удалов. Он даже пропустил мимо ушей нелестные высказывания кузнечика. – Откуда вы про мой город знаете?

– И зовут вас Корнелий Иванович, – добавил кузнечик. – Не отказывайтесь. Очень приятно. Я проглядывал списки делегатов, а у меня феноменальная память. Так что пойдем, отправим телеграмму вашей супруге Ксении?

– А на корабль не опоздаем? – встревожился вдруг Удалов.

– Задержат, – ответил кузнечик. – Без нас не полетят. Я забыл представиться. Меня зовут Тори, с планеты Тори-Тори, из города Тори, с улицы имени Тори.

– Столько совпадений сразу? – осторожно спросил Удалов, который понимал, что в Галактике что ни планета – свои обычаи и порой невежливым вопросом можно нанести смертельное оскорбление или даже вызвать войну.

– Нет, – ответил синхронный переводчик. – У нас все Тори, и все города Тори, и все улицы имени Тори.

– А не путаете?

– Наоборот. Просто. Не спутаешь.

– Это верно, – согласился Удалов. – Так где же телеграф?

Кузнечик быстро вскочил с кресла, потянул Удалова острым коготком к двери, затем завел за угол, и они оказались

в низком белом помещении, у стены которого были установлены рукомойники различного размера, формы и высоты.

– Здесь мы можем говорить спокойно. Никто не подслушивает, – прошептал кузнечик Тори. – У тебя есть что на продажу?

– Не понял, – сказал Удалов. – Я на телеграф хочу.

– Нет здесь связи с Землей. Я тебя серьезно спрашиваю. Что везешь? Драгоценности? Сувениры?

– Ты меня удивляешь, – произнес Удалов. – Откуда у меня драгоценности? Я сюда так спешил, даже домой зайти не успел, плаща не взял.

– Жаль, – огорчился кузнечик.

– Странно, – вздохнул Удалов, наблюдая, как какой-то транзитник моет свои семь лап. – Ты языки знаешь, наверное, зарабатываешь неплохо. А решил спекуляцией заняться.

– Я авантюрист, – сказал кузнечик просто. – Ничего не поделаешь. А мои языковые способности на конференции никому не нужны. Тебе знание всех языков вместе с мандатом выдадут.

– Так ты говоришь, нет здесь телеграфа?

– Откуда ему быть? Кто отсюда шлет телеграммы на Землю? Наивный ты, Удалов.

– Нет, – сказал Удалов, – я доверчивый.

В этот момент динамик, который висел у них над головами, прервал лопотание на неземном языке и заговорил по-

русски:

– Удалов Корнелий Иванович, вас ждут у статуи Государственного колена в центре восьмого зала. Повторяю, делегата первого СОС Удалова Корнелия Ивановича ожидают в центре восьмого зала у статуи Государственного колена.

– Вот видишь, – сказал Удалов кузнечику. – А ты говорил.

– Погоди, – встревожился кузнечик. – Один не ходи.

– Так пойдем вместе, – предложил Удалов.

Через две минуты Удалов и Тори стояли возле внушительного бронзового памятника Государственному колену. Удалов огляделся. Вокруг все так же кипела толпа. «Кто бы это мог быть? – думал Удалов. – Неужели Коля Белосельский прилетел?»

– Корнелий! – раздался рядом девичий голос.

К Удалову спешила девушка ослепительной красоты и редкого обаяния, одетая легко, в серебристый купальный костюм. При виде Корнелия девушка широко раскрыла голубые глаза и лукаво улыбнулась, показав множество жемчужных зубов в обрамлении полных розовых губ.

– Осторожно, Корнелий! – предостерег кузнечик.

– Я понимаю, – согласился Корнелий, не в силах отвести взгляда от красавицы.

– Я счастлива, – сказала девушка, тонкими пальцами дотрагиваясь до руки Удалова. – Я мечтала встретиться с тобой. Пошли. Наш уютный летающий рай ждет у второго причала. Мы проведем с тобой отпуск у журчащего ручья воз-

любленных, под сенью бананов забвения. Идем, мой кролик!

И Удалов, ровным счетом ничего не понимая и ни о чем не думая, покорно последовал за красавицей. И может быть, дошел бы с ней до второго причала и добрался бы до бананов забвения, если бы его не перехватила жесткая рука посланца в черном трико.

– Делегат Земли, – произнес посланец твердо, – вы забываетесь.

– Он мой, – сказала красавица нежно. – Ты мой, подтверди.

– Я твой, – кивнул Удалов.

Кузнечик бросился вперед и вклинился между Удаловым и красавицей.

– Удалов! – сказал он, оглядываясь на посланца. – С нашей точки зрения эта особь не представляет интереса. Возможно, она синтетическая…

– Не верь им, Корнелий, – возразила красавица, – сами они синтетические.

Посланец подхватил сопротивляющегося Корнелия под руки и быстро повлек за собой. Удалов рванулся из рук посланца, красавица громко рыдала и взывала к Удалову.

– С первого взгляда! – кричала она. – Я полюбила. На всю жизнь. Я не перенесу разлуки!

– Я тоже! – ответил Удалов.

Транзитные пассажиры с любопытством смотрели на эту сцену, полагая, что наблюдают чей-то национальный обычай.

Через десять минут кузнечик с посланцем посадили потерявшего от любви рассудок Удалова в космический корабль и привязали его к креслу, а Удалов все еще не мог прийти в себя и повторял:

– С первого взгляда… с первого взгляда и на всю жизнь.

Глава четвертая, в которой Удалов прилетает на место проведения первого СОС

Вскоре после взлета посланец дал Удалову таблетку, и Корнелий заснул. Когда он проснулся, корабль уже подлетал к планете 14ххХХ-5:%=ъ34, где проводился СОС. Голова болела, конечности дрожали. Удалов видел перед собой прекрасные голубые глаза, но эти глаза были подернуты дымкой прошлого. Он услышал, как рядом тихо разговаривают его спутники, но ни слова не понял, кроме знакомой фамилии – Удалов. С трудом Корнелий вспомнил, что это его фамилия.

– Вам лучше? – спросил синхронный кузнечик. – Припадок любви миновал?

– Плохо, – ответил Удалов. – В жизни со мной такого не случалось, с десятого класса средней школы.

– И как в десятом классе? – спросил синхронный кузнечик. – Обошлось?

– Я уж не помню деталей, – сказал Удалов. – Но было нелегко.

Кузнечик задумался, приставив коготок ко лбу, а сопровождающий посланец заявил:

– Нам это не нравится. Слишком пристальное к тебе, Удалов, внимание.

– И то правда, – согласился Удалов. – Она же меня по имени знала. Может, фотографию где-нибудь видела?

– Ты что, думаешь, она тебя на фотографии увидела, влюбилась и начала за тобой по космосу гоняться?

– Но ведь бывает, – сказал робко Удалов. Ему хотелось верить в любовь.

– А скажи, Корнелий, – спросил посланец, – ты по земным меркам красавец? Герой? Любимец женщин?

– Пожалуй, так не скажешь, – признался Удалов. – Я скорее обыкновенный.

– Так и должно быть. Иначе бы тебя на СОС не отобрали. А лицо той женщины тебе знакомо?

– Нет. Только если в мечтах…

– Тем более это меня тревожит, – заключил посланец.

И тут корабль начал тормозить, а за иллюминатором появилась частично покрытая облаками планета.

Корабль с Альдебарана пристал к спутнику медицинского контроля. Когда Удалов вслед за кузнечиком и посланцем сошел с корабля, он оказался в длинном белом зале, где его и других пассажиров поджидали медики в халатах и масках. Медики поделили между собой пассажиров и принялись их обследовать.

Удалов достался солидной женщине, которая приказала ему раздеться, а потом напустила на свою жертву с десяток шустрых механизмов, которые опутали Удалова проводами, искололи иглами, промыли желудок, сделали рентген – и это

за какие-то две минуты. Исследуясь, Удалов не терял присущей ему любознательности и наблюдал, как обрабатывают остальных пассажиров. В сплетении проводов и иголок поблескивал желтый живот кузнечика, а у посланца под черным трико оказались смятые розовые перья.

Механизмы, завершая работу, извлекали из себя длинные листочки желтой бумаги и передавали их врачихе. Врачиха читала их и накалывала на штырь, к которому уже была прикреплена неизвестно когда сделанная цветная и малопохожая фотография Корнелия Ивановича.

Врачиха взглянула на очередной бумажный листочек, громко присвистнула и сказала:

– Ну и дела!

Удалов встревожился.

Врачиха нажала на кнопку в подлокотнике кресла и отъехала от Удалова метров на пять.

Кузнечик и посланец уже спокойно одевались. Видно, для них осмотр закончился благополучно.

Врачиха свистнула погромче, и рядом с ее креслом появились еще два врача. Все трое начали внимательно изучать листочки, пересвистываясь и бросая на Удалова укоризненные взгляды.

– Тори, – позвал Удалов. – Чего они у меня нашли?

Кузнечик, застегивая свой элегантный костюм, подошел поближе и свистнул врачам на их языке. Врачи в ответ высвистели целую песню, а механизмы с новой силой приня-

лись вертеть, колоть и мять Удалова.

– Ты учти, – предупредил Удалов, – я долго не выдержу. Они меня терзают.

– Потерпи, – сказал кузнечик. – Плохо твое дело.

Удалов так испугался, что закрыл глаза. Этого делать не следовало, потому что перед его внутренним взором сразу возникла прекрасная незнакомка и начала любовно вздыхать.

Удалов задрожал и тут услышал голос посланца:

– Корнелий, слушай меня внимательно. Тебе придется пройти дезинфекцию. Ясно?

– Ничего не ясно. – Удалов раскрыл глаза, увидел, что врачи смотрят на него строго и опасливо. – В чем дело?

– А в том, что ты прибыл с отсталой планеты, на которой масса микробов и вирусов. Среди них абсолютно неизвестные галактической науке и, возможно, опасные для окружающих.

– Может, домой отпустите? – спросил Удалов.

Но голос его прозвучал неискренне. И не потому, что ему хотелось заседать на СОС, а потому, что в нем жила надежда еще раз встретиться с прекрасной незнакомкой. Он понимал всю губительность такого намерения, но его душа жаждала встречи и страдала.

– Домой возвращаться поздно, – сказал посланец. – По вашим, земным, варварским, меркам ты здоров. По нашим же ты – заповедник заразы.

– Что делать, – лицемерно вздохнул Удалов. – Такие уж мы уродились.

Больше он ничего не сказал, потому что сверху на него опустился металлический колпак, и в полной тьме Удалову показалось, что его разбирают на части. Так оно и было. И пока карантинный контроль не промыл каждую клетку его тела, Удалова как личности не существовало. Затем его собрали вновь, к счастью, точно таким, как прежде, вернули костюм и прочую одежду. Одежда воняла карболкой, а ботинки сделались жесткими. Внутри тела все чесалось. Жизнь стала такой некомфортабельной, что Удалов забыл о красавице.

Посланец повел Удалова к выходу из зала, а врачи смотрели им вслед и громко пересвистывались.

– Они такого в своей практике не видали, – перевел кузнечик.

За первым залом поджидала вторая проверка. Удалова измерили, сверили с фотографией в паспорте. Тут он не выдержал и сказал:

– Вижу, что здесь у вас неладно. Чего-то опасаетесь, кого-то боитесь. Поделитесь со мной опасениями.

– Не могу, – ответил посланец. – Не имею полномочий. Всё в свое время.

Глава пятая, в которой Удалов прибывает на СОС и старается обжиться на новом месте

До гостиницы доехали быстро, в основном туннелями, так что Корнелию не удалось полюбоваться местной архитектурой.

В холле гостиницы, украшенном множеством флагов и лозунгов на неизвестных языках, посланец подвел Удалова к длинной стойке, передал его милой пожилой даме с тремя глазами и в очках. Потом вежливо, но без душевности, распрощался.

Дама близоруко водила носом по спискам делегатов, наконец отыскала его фамилию.

– Удалов, – сказала она, – Корнелий Иванович. Место обитания – Земля. Возраст средний, социальное положение среднее, достаток средний. Я правильно излагаю?

– Не спорю, – согласился Удалов.

В гулком холле звучали, переплетались голоса, различного вида существа собирались небольшими группами, общались между собой, порой пробегали организаторы разных рангов, а роботы-официанты разносили подносы с жидкостями в бокалах.

– Так, – продолжала пожилая дама. – Вы двуногий, кис-

лорододышащий, размер средний, температура средняя. Вот вам ключ от комнаты триста два двенадцать. Лифт на тридцатый этаж, северное крыло по коридору вправо. Теперь держите мандат и папку. Проверьте, всё ли на месте.

Старушка передала Удалову папку делегата. Папка была черной, пластиковой, с тиснением, а в ней нашлись следующие вещи:

1. Блокнот, авторучка, которая, как вскоре догадался Удалов, меняла цвет чернил в зависимости от настроения владельца, ластик, стирающий не только написанное, но и память о нем.

2. Таблетки, они же талоны на питание в столовой для кислорододышащих. В случае нужды их можно было принимать от несварения желудка.

3. Папка докладов, запланированных заранее, путеводитель по гостинице со встроенным компасом, аппарат для записывания мыслей, три объемные видовые открытки, значок.

4. Брошюра «СОС – надежда Галактики».

5. Бланк для голосования.

6. Приглашение на заключительный банкет и текст тоста-экспромта, который Удалов должен произнести от имени земного человечества.

7. Билет до Земли с пересадкой на Альдебаране.

– Ознакомились? – спросила дама.

– Да, – подтвердил Удалов. – Интересно.

– А теперь снимите пиджак и закатайте рукав сорочки.

Дама держала в руке большой шприц.

– Это еще зачем?

– Вакцина для преодоления языкового барьера, – объяснила пожилая дама и вкатила Удалову два кубика раствора.

Было больно. Но действие вакцины сказалось сразу. Многочисленные неразличимые голоса стали разделяться по смыслу, и, что самое удивительное, стали понятны все вывески и плакаты, висевшие вокруг.

Удалов потер уколотое предплечье, надел пиджак, вежливо поблагодарил даму на ее родном языке и пошел искать лифт. По дороге он уже не стеснялся, спрашивал встречных, те его понимали, словно разговор происходил на родной улице в Гусляре, но в объяснениях путались, потому что сами были приезжими. Удалов хотел было уже вернуться к даме, но и обратного пути отыскать не смог. В результате поднялся на лифте, который остановился только на пятидесятом этаже, переехал эскалатором в другое крыло, спустился по лестнице и оказался в прачечной, оттуда служебным подъемником добрался до большого бассейна, где резвились дети делегатов, попал в помещение для тихих игр, в кабаре для сухопутных осьминогов, потом в библиотеку и лишь к исходу второго часа, многое повидав и страшно утомившись, отыскал номер триста два двенадцать.

Дверь в номер Удалову не понравилась. Она была круглой и находилась на уровне груди. Удалов с трудом отворил ее и

втиснулся в люк. Он оказался в длинной и темной трубе, по которой скользнул головой вниз. Сзади щелкнула, закрываясь, дверь, тьма сгустилась, и Удалов, прорвав головой некую мембрану, влетел в теплую, сладкую на вкус, липкую среду, к сожалению лишенную воздуха.

Погружаясь на дно, Удалов стал барахтаться, надеясь отыскать входное отверстие, но в темноте он не мог определить не только направление к двери, но и такие элементарные понятия, как верх и низ. Сознание его помутилось, и он безжизненно опустился на дно.

И в этот момент в ушах Удалова, открытых теперь пониманию любого галактического языка, прозвучали отчаянные проклятия:

– Кто посмел нарушить мой покой? Кто не дает мне спать? Я буду жаловаться.

Удалов хотел было ответить, что нуждается в срочной помощи, но в рот хлынула сладкая жидкость, и он потерял сознание.

Очнулся Удалов в коридоре, куда его вышвырнул разозленный сироподышащий обитатель номера триста два двенадцать. Пухлая женщина с добрым лицом делала ему искусственное дыхание. Когда Удалов окончательно пришел в себя, женщина, оказавшаяся уборщицей, объяснила Удалову его ошибку, чуть не ставшую трагической: вместо северного крыла он попал в западное. Затем она любезно проводила его до нужного номера.

По дороге женщина обещала Удалову выстирать и погладить одежду, а также достать новую папку и мандат взамен потерянных.

Они благополучно добрались до нужной комнаты, небольшой, уютной, с окном во двор. Уборщица отвернулась, пока Удалов раздевался и закутывался в одеяло, а Корнелий, передав ей вещи, спросил растроганно:

– Скажите, добрая женщина, как я могу вас отблагодарить?

– Я рада помочь человеку, – улыбнулась женщина. – Ведь мы, земляне, здесь в ничтожном меньшинстве.

– Как же так? – не понял Удалов, который полагал, что он первый землянин в этих краях.

– Мы с Атлантиды, – сказала простодушно женщина. – Когда наши тонули, давно это было, мимо пролетала летающая тарелочка. Тех, кто еще плавал, они подобрали. А потом сюда переселили. Мы прижились, сельским хозяйством занялись, размножились. Но порой по родине скучаем. Как там у нас? Нашли Атлантиду?

– Честно скажу, нет. Даже сомневаются, была ли она, – ответил Удалов.

– Была, милый, была, как не быть, – сказала уборщица и покинула Удалова, который за время ее отсутствия принял душ, привел себя в порядок и даже внутренне улыбнулся своему приключению. Ведь расскажешь такое на Земле – засмеют.

Когда Удалов вышел из ванной, его белье и костюм уже висели в чистом отглаженном виде на спинке кресла. Уборщица стояла, отвернувшись к окну.

– Вы так добры, – сказал Удалов.

– Не надо благодарности. Вот только.

– Продолжайте, продолжайте, – поторопил женщину Удалов.

– Дочка у меня пропала, – сообщила женщина, заливаясь слезами. – Единственная моя радость, девочка моя драгоценная. Полетела в соседнюю звездную систему в институт поступать и пропала. Дорогой Корнелий Иванович, памятью наших общих предков прошу, погляди на фото моей Тулички, а вдруг?

И женщина, не оборачиваясь, протянула Удалову небольшую любительскую фотографию, на которой несложно было узнать таинственную красавицу, которая объяснялась Удалову в любви на Альдебаране.

– Ах! – сказал Удалов и замолк от взорвавшихся в нем чувств.

– Что? – воскликнула несчастная мать, обернувшись к Корнелию. – Я чувствую, что вы ее видели.

– Да. Она подошла ко мне на Альдебаране и объяснилась в любви.

– Так просто и подошла?

– Это и удивительно.

– Первая подошла?

– Первая.

– Мерзавец ты, Удалов, – возмутилась уборщица. – Хоть и земляк по происхождению. Моя дочь думает только о генетико-математической лингвистике в области футурологии и никогда, повторяю, никогда не подойдет к незнакомому мужчине.

– Вы, конечно, извините. Я, может, и заблуждаюсь. Может, просто очень похожая девушка. Но на меня она произвела неизгладимое впечатление.

Уборщица из Атлантиды вырвала из рук Удалова фотографию и выбежала из номера.

Удалов постоял посреди комнаты, тяжело вздохнул, пожал плечами и сказал вслух:

– Нет, это не ошибка.

Голубые, призывающие глаза стояли перед его мысленным взором.

Впервые в жизни Удалову захотелось написать стихотворение о любви.

Он даже стал искать бумагу и карандаш, но в этот момент в дверь постучали.

Глава шестая, в которой Удалов продолжает пребывать на конференции и вступает в сделку

За дверью стоял знакомый кузнечик, который успел переодеться в фиолетовый наряд, схожий с фраком. В твердые блестящие уши он вставил по цветочку, пахнущему пряно и сильно, а носки его башмаков непрестанно шевелились.

– Очень модно, – сообщил Тори Удалову. – В них электромоторчики. Хочешь купить?

Кузнечик был оживлен, вел себя как старый приятель, сразу уселся в кресло и спросил, нет ли чего выпить прохладительного.

Удалов ответил, что и сам бы не отказался.

– Ах ты провинция, провинция, – засмеялся кузнечик-синхронист.

Он нажал на кнопку в ручке кресла, и в стене откинулась дверца, за которой, подсвеченные оранжевым, стояли бокалы и сосуды разной формы.

– Мне только не крепкого, – предупредил Удалов. – Я чуть не утонул. К тому же женщину обидел.

– Рассказывай, – произнес кузнечик, разливая прохладительные напитки.

Рассказ Удалова вызвал в новом приятеле смех, сочувствие и понимание.

– С этой красавицей загадка, – сказал он наконец. – Хотя я предпочитаю брюнеток. Я этим займусь. Но вообще-то я пришел тебе кое-что показать. Ведь должен же ты, Удалов, интересоваться диковинами дальнего космоса или, по крайней мере, сувенирами.

– Я сказал, мне расплачиваться нечем, – ответил Удалов. – Денег я с собой не захватил, сувениров тоже, а в нелегальные сделки я, прости, – не вступаю. Не забудь, что я представитель небольшой, но гордой планеты.

– Ах уж этот мне патриотизм! Как приобщишься к благам космической цивилизации, на Землю и смотреть не захочешь.

– Это как сказать, – возразил Удалов. – Вот я тут разговаривал с простой женщиной, уборщицей. Ее предки покинули родину много столетий назад. А как увидела земляка, бесплатно костюм отгладила.

– И мерзавцем обозвала, – заметил ехидно кузнечик.

– За дело. Надо было мне промолчать. Зачем трепать материнские нервы? Ведь может, ее дочь испортилась в дальних странах, попала в дурную компанию, а для матери она всегда остается отличницей, скромницей, студенткой.

– Значит, ты теперь думаешь, что если женщина полюбила тебя, Удалова, значит, она из дурной компании?

– Не знаю, не знаю, – вздохнул Удалов, печально глядя в

большое зеркало, которое отражало его округлую невысокую фигуру. – Трудный мир, чуждые нравы.

– Ладно, смотри, – сказал кузнечик.

Он достал из кармана бутылочку сложной формы с чем-то зеленым внутри.

– Что это? – спросил Удалов.

– Могу продать. Средство от всего.

– Как так – от всего?

– В зависимости от потребностей.

– И от насморка?

– И от насморка. И от любви. И от комаров. И от дождя. Большая редкость. В промышленное производство не поступило. Делается из корня, который растет только на одном астероиде. Сам понимаешь.

– Так на что мне такое средство? – спросил Удалов равнодушно, но глаза его загорелись и выдали Корнелия опытному пройдохе Тори.

– А ты не для себя, для народа, – предложил демагогически кузнечик.

– Нет, – отказался Удалов. – Ты с меня что-нибудь нереальное попросишь.

– Не беспокойся, я щедрый.

– Средство-то ценное?

– Но я тебя люблю.

– Прости, – сказал Удалов. – Не верю. Чего бы тебе меня любить? Я не заслужил.

– За заслуги уважают. Любят за недостатки.

– Я и недостатков тебе не показывал.

– Они очевидны, – коротко ответил кузнечик. – Берешь средство?

– Сколько? – спросил Удалов.

– Восемнадцать, – сказал кузнечик.

– Много.

– Шестнадцать и ни одной меньше.

– Пятнадцать и по рукам.

– Только из любви к тебе, – сказал кузнечик.

Он протянул Удалову бутылочку, тот принял и спросил:

– А действовать будет?

– У нас без обмана. Ты попробуй.

Удалов огляделся, на что бы употребить средство.

– У тебя прыщ на лбу, – подсказал кузнечик.

Удалов подошел к зеркалу. Прыщ был. Правда, небольшой.

– Да ты не бойся, – сказал кузнечик. – На палец возьми, помажь. Самую малость.

Удалов послушался. Он вытащил пробку, намочил палец и прикоснулся ко лбу. Палец приятно холодило.

Так он и стоял с пальцем у лба. Эта поза навела его на новые размышления.

– Погоди, – сказал он. – А как же?

– Ты чего?

– Как же я расплачиваться буду?

– Как договорились. Сам же сказал – пятнадцать.

– Сказал, да не знаю чего.

– Ну и дурак. Когда торгуешься, обязательно надо знать, что отдаешь.

– Так что я отдал?

– Причастность к искусству, – ответил кузнечик. – В объеме пятнадцати минут.

– Я к искусству непричастен.

– Послушай, Удалов, я о твоем благе пекусь. Но и себя не забываю. Когда я узнал, что ты человек обездоленный, даже зубная щетка здесь у тебя казенная, я стал голову ломать, как тебя облагодетельствовать, чтобы не разориться. И придумал. У тебя, как у каждого разумного существа, есть ненужные воспоминания. Тяжелый груз твоему и без того натруженному мозгу. Вот их я у тебя и возьму. Лишнего трогать не буду – здесь за это судят.

– А на что тебе воспоминания, связанные с незатейливой жизнью в небольшом городе Великий Гусляр? – спросил Удалов.

– Для тебя это обыденно, – сказал кузнечик, – а для нас странная экзотика. Ты бы хотел посмотреть фильм из жизни моих соседей, как они по утрам демонстративно круфают, потом уходят в трагические прцэки и рискуют в лофэ улытиться от проговоркифы?

– Не понял, – ответил Удалов, – но любопытно.

– Вот и нам любопытно. Надеюсь получить за твои ненуж-

ные воспоминания некоторую мзду. Я делец честный. И если заплатят больше, чем стоит эта драгоценная бутылочка, сдачу принесу тебе. Да отними ты палец ото лба!

Удалов послушно отвел палец и увидел, что прыщик исчез. Средство действовало.

– А как я тебе ненужные воспоминания отдам?

– Сейчас все сделаем.

Кузнечик кинулся в коридор, прискакал обратно, катя перед собой заранее заготовленную тележку с приборами – все предусмотрел, хитрец!

– Сначала посмотрим, какие воспоминания у тебя переместились за ненадобностью в мозжечок. Из них я отберу, что подойдет. Сам понимаешь, дружище, я ведь тоже рискую. А вдруг у тебя воспоминания скучные?

В этот момент дверь приоткрылась, и в щель влетела папка, за ней мандат.

– Держи, клеветник! – послышался голос доброй уборщицы. – Достала я тебе все новое.

– Я не хотел обидеть вашу дочку Тулию! – воскликнул Удалов. – Я к ней тепло отношусь.

– Не верю! – послышался ответ, и дверь захлопнулась.

Удалов печально вздохнул, а потом произнес с беспокойством:

– Только чтобы воспоминания о ней не трогать!

– И не подумаю, – сказал кузнечик. – Они у тебя свежие, замкнутые на слуховой аппарат и глазные нервы. Как их вы-

тащить?

Кузнечик ловко подключил Удалова к приборам, а сам при этом глядел в глазок, направленный на мозжечок Удалова. Больно не было, лишь немного щекотало в затылке. Удалов сидел послушно и размышлял, как бы получше использовать универсальное лекарство у себя дома, чтобы не размениваться на мелочи. Например, надо попытаться избавить жену Ксению от склонности к попрекам. Удалову уже пятый десяток, но его все равно дома считают почти ребенком, требуют отчета, где был, с кем был и так далее, даже стыдно. Но как только Удалов подумал о жене Ксении, вместо грусти по оставленной семье его охватило тревожное и свербящее чувство к красавице Тулии, он даже пожалел, что не попросил у ее матери фотографию. Хоть какая память бы сохранилась. Погоди, а если с помощью этого средства внушить Тулии настоящее чувство к Удалову? Она сказала о любви, а сейчас уже, может, забыла обо всем, смотрит такими же расширенными глазами на какого-нибудь инопланетянина с персональной летающей тарелочкой.

– Все, – сказал кузнечик. – Операция закончена. Большое спасибо.

– Нашел чего-нибудь на продажу? – спросил Удалов.

– Гарантии дать не могу, – ответил кузнечик. – Но надежды не теряю.

– И на том спасибо. Бутылочка моя?

– Твоя, пользуйся.

И кузнечик принялся сворачивать оборудование, будто опасался, что Удалов спохватится и передумает. Но Удалов этого не заметил. Он нежил в ладонях бутылочку, связывая с ней различные планы на будущее.

Глава седьмая, в которой Удалов присутствует на открытии первого СОС

Первый Галактический Съезд Обыкновенных Существ торжественно открылся 21 июля по земному календарю, что, разумеется, не соответствует прочим календарям Вселенной.

В гигантском зале конгрессов разместились в креслах те делегаты, которые привыкли жить в кислородных атмосферах, а таких в Галактике большинство. За прозрачными стенами круглого зала расположились сотни камер, наполненных водой, метаном, пропаном, бутаном, соляными и кислотными растворами, паром, гравием, вакуумом, ватой, туманом, мхом, сероводородом – теми атмосферами, в которых существуют остальные обитатели разумной части Галактики.

В президиуме сидели члены Оргкомитета и руководители планеты 14xxXX-5:%=ъ34.

Удалову досталось место в амфитеатре, удобно, хорошо видно.

– Дорогие гости, – обратился к делегатам двухголовый председатель оргкомитета Г-Г, – мы собрались сюда с разных концов Галактики для того, чтобы упорядочить судьбу

нашей Вселенной. Есть проблемы, которые оказались не по зубам гениям и правительствам. Для того чтобы их решить, мы отобрали на каждой из обитаемых планет самого среднего индивидуума.

Речь председателя Удалову понравилась, но, занятый разглядыванием соседей по залу и тех существ, что томились за стеклянными перегородками, он не заметил, как выступившего Г-Г сменил на трибуне председатель мандатной комиссии. Речь его Удалов захватил где-то в середине:

– На съезде присутствуют две тысячи шестьсот восемь делегатов с решающим голосом от двух тысяч шестисот двадцати двух планет и планетных систем. Отсутствуют по уважительным причинам четырнадцать, в том числе умерло в пути три, убит в стычках с космическими гнирами – один, распочковались и впали в детство – два, оказался гением и возвращен, как самозванец, – один, либустировался – один, дезертировал – один, пропало без вести – пять.

Когда мандатная комиссия отчиталась, Удалов подумал, что пора бы устроить перерыв. Он оглянулся, размышляя, не сходить ли ему в буфет, и тут ему показалось, что он видит синхронного кузнечика. Удалов помахал ему рукой, но это оказалось ошибкой, потому что председатель Г-Г заметил этот жест и неправильно его истолковал.

– Слово для приветствия, – сказал он, – просит делегат Земли Корнелий Удалов.

Удалов хотел было возразить, но его возражения утонули

в аплодисментах, и пришлось идти через весь зал на трибуну, не представляя, о чем говорить.

Удалов поднялся на трибуну, сделал рукой знак, чтобы прекратить аплодисменты, и решил, что его опыта пребывания на совещаниях достаточно, чтобы не опозорить родную Землю перед столь важным собранием.

– Товарищи, – начал Удалов, – дамы и господа! И те господа, которые не имеют пола. Я прибыл к вам с небольшой планеты Земля, о которой некоторые из вас и не слыхали. Но это не так важно, потому что я тоже не слыхал о некоторых ваших планетах, что никак не уменьшает моего к вам уважения.

Раздались аплодисменты и другие звуки, которые заменяют аплодисменты у существ, не обладающих ладонями.

– Я летел сюда, не зная, чем мы должны заниматься. Хотя надеялся, что займемся делом. Сегодня утром я прочитал программу съезда, а также брошюру «СОС – надежда Галактики». И должен сказать, что меня вдохновила идея, лежащая в основе нашего съезда. Давно пора объединиться обыкновенным людям всего мира. Их больше всего, и они самая здоровая часть разумного человечества. Какие бы опасности ни угрожали Вселенной, они никогда не исходят от средних людей, а от умных или от дураков. А что умные или дураки могут сделать без нас, обыкновенных?

Вновь раздались шум и аплодисменты.

– Кому решать судьбы Вселенной, как не нам? – про-

должал Удалов, все более вдохновляясь. – Мы положительное большинство. Кто чаще всего женится и рожает детей? Обыкновенные люди. Кто реже всех разводится? Обыкновенные люди. Что бы делали другие, если бы не было обыкновенных? Вымерли бы, ручаюсь, от глупости или от излишнего ума. Кто начинает войны? Наполеоны. А кто их кончает и заключает мир? Мы, обыкновенные люди. Да и как бы мы могли оценить величие и опасность того же Наполеона, если бы не было множества обыкновенных полководцев, с которыми мы его сравниваем? Как бы стали великими выдающиеся писатели, если бы не было множества обыкновенных писателей, которые делают свое скромное дело, оттеняя величие Льва Толстого? Как бы мы могли оценить прелесть некоторых красавиц, если бы рядом не было обыкновенных женщин – наших жен?

Тут снова раздались аплодисменты, а также отдельные свистки и гневные возгласы, потому что не все были согласны с Удаловым. Удалов смешался, покраснел и понял, что переборщил. Потому он закончил свою речь кратко:

– Я передаю приветствие нашему первому СОС от имени обыкновенных людей Земли и надеюсь, что мы совместными усилиями многого добьемся. Середина непобедима!

При громе оваций Удалов сошел с трибуны, а некоторые делегаты тут же на больших листах бумаги начали рисовать последние слова делегата с Земли: «Середина непобедима!» К перерыву в зале уже покачивалось несколько плакатов с

такой надписью, а к вечеру лозунг появился и на стенах города, жители которого немало гордились тем, что он дал прибежище такому славному съезду. А еще через день в продаже появились большие круглые значки с изображением улыбающегося Удалова и надписью «СЕРНЕП», что означало, естественно, «Середина непобедима!».

После речей организаторов и приветствий от Сириуса, Альдебарана и неизвестных Корнелию планет начались прения. Удалов с удивлением отметил, что средние существа довольно разнообразны. Например, средний человек с Просидоры был по земным меркам математическим вундеркиндом, а любой Тори с Тори-Тори – талантливым лингвистом. Средний ярык был чуть умнее пятилетнего земного ребенка и куда более вздорен, чем дворняжка Ложкиных из соседней квартиры.

Завязалась горячая дискуссия о том, как обыкновенным существам выработать среднюю программу и установить в Галактике мир и покой. И вскоре основное внимание сосредоточилось вокруг планеты Кэ, с которой была связана неприятная тайна.

Дело в том, что еще несколько лет назад эта планета ничем не отличалась от прочих передовых и миролюбивых миров, но затем все ее жители заболели непонятной болезнью и лечиться отказались. Это было бы еще терпимо, если бы общение с обитателями планеты Кэ не заражало всех, кто находился с ними в контакте. Вроде бы человек оставался

совершенно здоровым, но характер его менялся к худшему, он рад был оправдать любую гнусность, обман и предательство, совершенные своими новыми друзьями, а затем исчезал. Внезапно отупевшие мужья не узнавали своих жен и детей, били их и бежали на космодром. Государственные деятели забывали о своих задачах и обязанностях, пытаясь объявить свои миры колониями планеты Кэ, а когда им это не удавалось, тоже пропадали. Лучшие умы Галактики бились над этой проблемой, но разрешить ее не смогли. В результате решено было объявить карантин и не пускать жителей Кэ в другие миры. Но те проявляли удивительную изобретательность, подсылая вместо себя обращенных в свою веру, зараженных существ из других миров. К счастью, один медик придумал анализ, по которому известное вещество триэтилмононуклеон становилось зеленым, если на него дышал человек, зараженный болезнью Кэ. Именно по этой причине так тщательно проверяли пассажиров, прилетевших с Альдебарана.

В некоторых выступлениях название планеты Кэ произносилось с тревогой и даже страхом. Все понимали, что в числе первоочередных задач СОС – спасение жителей Кэ.

В перерыве Удалов пообедал по талону в столовой, разделенной на отсеки по образу питания. Питание было сносным, хоть и непривычным. К сожалению, из-за перегородки несло сероводородом – там стоял столик с планеты, где сероводород пьют вместо чая. Когда Удалов, насытившись, встал из-

за стола, к нему подошел оранжевый шар на тонких ножках в галошах, чтобы пожать ему руку и поздравить с удачной речью. Поблагодарив шар, Удалов увидел бегущего к нему кузнечика. Кузнечик был одет еще шикарнее вчерашнего: в золотой смокинг с бриллиантовой застежкой у ворота, в золотые лосины и красные сапожки, носки которых шевелились сильнее, чем раньше. Цветы в ушах были усыпаны самоцветами.

– Удалов! – закричал он и бросился к приятелю так быстро, что чуть не попал под ноги шестиногому сиреневому слону, который нес ведро с сосисками.

– Я здесь, – откликнулся Удалов, идя ему навстречу, потому что полагал, что кузнечик хочет поздравить его с удачным выступлением.

Но кузнечик Тори думал о другом.

– Слушай, Корнелий, – сказал он громким шепотом, – у тебя не осталось лишних воспоминаний?

– Ты разве не все вчера забрал?

– Не уверен. Но взял бы и такие, что тебе вроде и не нужны, хотя кажется, что могут пригодиться.

– Что-то ты активный! Наверное, удачно мои вчерашние воспоминания продал?

– Какое там! – быстро ответил кузнечик и отвел в сторону круглые глаза. – Еле-еле окупил расходы.

Его лапка совершила незаметное путешествие к горлу, прикрывая бриллиантовую застежку. Удалов внутренне

улыбнулся. Он понял, что его подозрения обоснованны, но спорить не стал. На что человеку лишние воспоминания? Все равно что вчерашний снег. Тем более что нехватки их Удалов не ощущал.

– Тогда почему интересуешься? – спросил Удалов.

– Нашел для тебя нужную вещь, – сказал кузнечик. – Отойдем, покажу. Только дорого просят.

Когда они отошли в сторонку, кузнечик достал из-за пазухи зеленый шарик, чуть побольше грецкого ореха.

– Видишь? Дали подержать на время.

– Объяснись, – сказал Удалов.

Тут зазвенел звонок, собирая делегатов на послеобеденное заседание.

– Одна минута. – Кузнечик поддел коготком орех сбоку.

Там обнаружилось маленькое отверстие.

– Вот здесь, – продолжал Тори, – можно жить. И живут.

– Кто? Блохи? – сообразил Удалов, продвигаясь к выходу.

– В том-то и секрет, что люди. Это растение. Растет оно на далекой планете Сапур. Сначала оно вот такое, через год – с футбольный мяч, а через три года будет с тебя, Удалов, ростом.

– Ну и пусть растет, – сказал Удалов, шагая по коридору. Неловко опаздывать, особенно если ты уже пользуешься известностью.

– Это саморастущий дом, – продолжал кузнечик. – Пока растение маленькое, в него детишки поселяют своих кукол,

когда подрастает, получается комнатка, в которой живут холостяки и невесты. Еще через год-два комната внутри становится такой большой, что можно городить на две. Семья увеличивается, дом растет, и никаких жилищных проблем.

– А оно не возражает? – спросил Удалов.

– Чего же ему возражать? Ты же в школе учил: растения поглощают углекислоту и выделяют кислород. Чем сильнее ты в нем дышишь, тем ему приятнее. И воздух всегда свежий, проветривать квартиру не надо. Уже лет двадцать прошло, как эти растения завезли на Сапур, все население там переселилось в живые дома. С виду лес, а на самом деле город. И природа в порядке, и людям не тесно.

– А вдруг на Земле дома не приживутся? – спросил Удалов.

– Приживутся. На Сапуре климат, как под Москвой. Не веришь – слетаем, проверим. Представляешь, никаких проблем в жилищном строительстве. Каждому ребенку выдаешь дом, ребенок растет, и дом растет.

Тем временем они вошли в зал заседаний. Кузнечик, убедившись, что Удалов снова попался ему на крючок, побежал наверх, к синхронным будкам, а Удалов прошел к своему месту. И сильно задумался, даже не слышал выступлений первых ораторов. Ведь можно принести громадную пользу Земле! Может, в самом деле пожертвовать еще какими-нибудь воспоминаниями?

Глава восьмая, в которой Удалов идет в кино и удивляется

Удалову было приятно слушать, как некоторые делегаты в своих выступлениях ссылались на его речь, а другие заканчивали выступления лозунгом «Середина непобедима!». Так что заседание прошло для него незаметно и интересно, к тому же он узнал массу любопытного о жизни в других мирах и даже пожалел, что не обладает писательским даром, чтобы запечатлеть услышанное для земных читателей. Хотя, подумал он, скептики на Земле, которые до сих пор даже не верят в летающие тарелочки, наверняка сочтут его правдивые рассказы за лживую выдумку.

Наконец прозвенел гонг председателя, и заседание завершилось. Было объявлено, что завтра съезд начинается после обеда, потому что некоторые делегаты не привыкли так много заседать и должны отдохнуть. Желающих пригласили посетить магазин путеводителей для иностранных гостей, пригородные озера или раскопки подземного города. Удалов поднялся со своего места и отправился искать председателя Г-Г. Ему пришла в голову интересная идея: а не поехать ли завтра на пригородные озера и не порыбачить ли до обеда? Надо только узнать, как здесь с удочками и наживкой.

Но председателя он не нашел. Не успел. Как демон-искуситель, рядом возник кузнечик Тори.

– Ты подумал о жилищной проблеме? – спросил он Удалова.

– Трудно решить, – сказал Удалов. – Надо ознакомиться с начинанием на месте. Может, эти дома для нас, земных жителей, совершенно не годятся. Неизвестно, как они проблемы канализации и водопровода решают, как с отоплением и освещением. Не могу я воспоминаниями разбрасываться.

Кузнечик задумался.

– Ты прав, – согласился он наконец. – Сапур недалеко. Завтра за полдня управимся. Только учти, стоимость поездки я включу в общий счет. Забота о тебе недешево обходится. Просто не представляю, почему я тебя так люблю. Может, в самом деле в тебе недостатков много?

– Может быть, – сказал Удалов.

– Тогда я за тобой в шесть утра зайду, – предупредил кузнечик.

И ускакал.

Теперь уже не было смысла искать председателя. Все равно рыбалка пропала. Не везло Удалову с рыбалкой. «Ну, ничего, – подумал он, – зато произведу переворот в строительной технике».

Он решил пойти погулять по городу, благо выдался хороший теплый вечер. У выхода из гостиницы его окликнули. Это была милая уборщица, мать удаловской возлюбленной.

– Корнелий Иванович, вам телеграмма с Земли. Только что получили.

– Спасибо. – Удалов развернул телеграмму.

Он думал, что телеграмма от Ксении, но предчувствие его обмануло. Телеграмма оказалась от Коли Белосельского.

«Поздравляю открытием съезда, – звучала телеграмма. – Надеюсь, что не посрамишь чести нашей планеты. Семья здорова. Желаю успеха. Николай».

Сердце Удалова преисполнилось благодарности к другу детства, который раздобыл его адрес и поздравил. Удалов решил тут же ответить и потому спросил уборщицу:

– Телеграф далеко?

– Он закрыт уже, – ответила уборщица. – Завтра откроется.

– Как жаль, – сказал Удалов. – Спасибо, что меня отыскали.

– Для меня это не труд, а удовольствие, – сказала уборщица. – Хоть вы меня и обидели подозрениями в адрес моей дочери, но все-таки вы мой земляк и приятный человек. А сегодня так хорошо выступали, я вас по телевизору смотрела!

Уборщица была еще не старой, миловидной женщиной, и если бы не всегдашняя печаль и готовность к слезам, она была бы похожа на свою прекрасную дочь.

– Я не хотел вас обидеть, – сказал Удалов. – И тем более обидеть вашу дочь.

Разговаривая так, они пошли по ярко освещенной праздничной улице, через которую уже висели транспаранты: «Середина непобедима!». Некоторые из прохожих узнавали Удалова, кланялись ему или жали руку. Настроение у Корнелия было приподнятое, он вежливо и дружелюбно разговаривал с уборщицей из Атлантиды, хотя о красавице Тулии они не упоминали. Так они дошли до какого-то ресторана. Удалов пригласил было уборщицу поужинать, но уборщица возразила, что в ресторане дорого, и этим напомнила Удалову о его стесненном финансовом положении. В чем Удалов и признался ей со смущенной улыбкой, которая очень красила его простодушное курносое лицо.

– Я тут мог денег заработать, – заметил он. – Но вместо денег уникальную штуку получил.

И Удалов рассказал уборщице о бутылочке, которую получил за ненужные воспоминания. Потом достал и бутылочку.

Уборщица вдруг нахмурилась, повертела бутылочку в пальцах и сказала со вздохом:

– Провели тебя, Корнелий Иванович. Воспользовались твоей простотой. Это не средство от всего на свете, а только лекарство для сведения прыщей. Хорошее лекарство, только ничего, кроме прыщей, им не вылечишь. В любой аптеке продается.

Удалов было опечалился, но взял себя в руки.

– Хорошее средство от прыщей тоже нелегко найти. А я с

ним прошлогодним снегом расплатился. Значит, получается, что вор у вора дубинку украл.

Они как раз проходили мимо кинотеатра.

– Пойдем в кино, – предложила уборщица. – Здесь билеты недорогие, а вы, когда будет возможность, мне деньги за них вернете.

Удалов был тронут такой прямотой, и они пошли в кино. Сначала показывали фильм про космическое путешествие. Уборщица шепотом объяснила ему, что фильм документальный, других здесь не знают, и записан он с памяти одного известного космонавта. Потом начался фильм «Первая любовь». И тут Удалов сильно удивился.

На экране в цвете и реальном объеме возникла пыльная, странно знакомая Удалову улица. По сторонам ее тянулись одноэтажные домики с палисадниками, в палисадниках цвели флоксы и астры, лениво перебрехивались псы, просунув носы в штакетник. Было знойно и покойно. Над домами, в конце улицы, горел под закатным солнцем золотой купол.

– Земля, – радостно прошептала уборщица из Атлантиды.

– Земля, – отозвался Удалов. И добавил: – Великий Гусляр, улица Кулибина.

Это было удивительно, словно Удалов погрузился в сон, древний, почти детский. Ведь он, как руководитель стройконторы, отлично знал, что эта улица выглядит теперь иначе, что домики с правой стороны частично снесены и на их месте построен двухэтажный детский сад и стеклянная хим-

чистка.

По улице шла девушка, почти девочка, в голубом ситцевом платье, с косичками до плеч. Девочка улыбалась своим мыслям, и она показалась Удалову чем-то схожей с красавицей Тулией.

Видно, это сходство не укрылось и от уборщицы, потому что она всхлипнула: «Моя тоже такой была… отличницей».

Девочка посмотрела прямо в экран и обрадованно воскликнула:

– Здравствуй!

– Здравствуй, – откликнулся юношеский голос, и на экране появился невысокого роста молодой человек с круглым лицом, маленьким носом, кудрявый и загорелый. Чем-то молодой человек был Удалову знаком, но воспоминание промелькнуло по краю памяти и исчезло. Удалова больше интересовали виды родного города, и он с гордостью хозяйственника отмечал, что нынче эта улица уже покрыта асфальтом и тем избавлена от пыли, а деревья по сторонам выросли и дают густую тень.

Девушка и юноша взялись за руки и пошли к скверу, который зеленел неподалеку.

– Теперь здесь детский городок, с качелями, – сообщил Удалов своей соседке, но та отчужденно взглянула на него и отвернулась.

Кадр сменился другим. Тот же молодой человек и та же девушка купались в неширокой голубой речке. Ивовые ку-

сты опускались к самой воде, а в глубине золотыми тенями проскальзывали рыбы. Юноша плыл на тот берег, к соснам, а девушка стояла по пояс в воде и кричала ему:

– Вернись, потонешь!

Следующий кадр. Вечер. Неподалеку играет оркестр. Девушка и юноша идут по темной аллее, и вдруг девушка останавливается и смотрит на юношу в упор. В темноте ее глаза горят как звезды. Они растут, заполняют весь экран. Зрители затаили дыхание.

– Теперь, – прошептал Удалов уборщице, – мы обеспечили в парке освещение, и темных аллей практически не осталось.

– Отстаньте, – прошептала раздраженно уборщица, и Удалову стало даже обидно из-за такого невнимания к его деятельности по благоустройству.

Юноша осторожно дотронулся губами до щеки девушки, она резко повернулась и побежала прочь. Он за ней. Вот они вбежали в освещенный круг у танцевальной веранды, где играл маленький, из четырех человек, оркестр, толпились, щелкая семечки, парни и стайками щебетали девушки.

– Да, – вздохнул Удалов. – Здесь и я когда-то бывал.

Вот юноша и девушка плывут по веранде в танце танго.

Юноша робко прижимает к себе тонкий стан девушки и смотрит на нее влюбленными глазами.

Оркестр замолкает, но они продолжают стоять посреди веранды, не замечая, что музыка кончилась.

И тут к ним подходит высокий парень и произносит срывающимся баском:

– Уходи отсюда. Чтобы ноги здесь твоей не было. И чтобы тебя рядом с ней я больше не видел.

– Да я что, – робеет юноша. – Я же ничего.

– Пошли, – говорит девушка юноше и берет его за руку, отважно глядя в глаза высокому парню.

– Ты с ней не уйдешь, – предупреждает высокий парень.

– Он уйдет со мной, – настаивает девушка. – И учти, что я тебя не боюсь. И он тоже. Ты не боишься?

Но юноша молчит.

Разыгрывается напряженная немая сцена. Словно шпаги, скрещиваются взгляды. И, не выдержав взгляда девушки, высокий парень отступает…

Зал с облегчением вздохнул. Кто-то неподалеку плакал. В этой сцене была жизненность, понятная всей цивилизованной Галактике.

– Все-таки хулиганство, – сказал Удалов сам себе. – Пристают к девушке.

…Юноша с девушкой медленно сошли с веранды. Что-то произошло в их отношениях, что запрещало прикоснуться другу к другу. Внизу, в темной аллее, их поджидал тот высокий парень.

– Разъединитесь! – приказал он.

– Не смей! – крикнула девушка, глотая слезы.

– А я его не трону, – усмехнулся парень. – Он сам уйдет.

Ты уйдешь?

И после долгой паузы, которая показалась зрителям почти бесконечной, юноша вдруг сказал сдавленным голосом, обращаясь к девушке:

– Я к тебе завтра зайду.

– И не мечтай, – захохотал высокий парень. – Беги.

– Если ты сейчас уйдешь, ты меня никогда больше не увидишь, – сказала девушка.

Но юноша уже уходил по аллее, низко склонив голову и приподняв плечи, словно опасался, что его ударят сзади.

Потом возник еще один кадр: берег реки. На берегу, в траве, сидит и всхлипывает юноша. Он один. Только луна смотрит на него с черного неба.

Зрители встретили конец фильма аплодисментами. Удалов не аплодировал. Он думал. Он никак не мог понять, почему здесь показывают фильмы о Великом Гусляре. К тому же пессимистические. Не хлопала и уборщица. Только посмотрела на Удалова внимательным взглядом и спросила:

– Может, уйдем?

– Уйдем, – согласился Удалов. Он устал за день и хотел спать.

Когда они вышли на улицу, уборщица спросила:

– Ну и что вы об этом думаете?

– Трудно ответить, – признался Удалов. – Есть, конечно, отдельные случаи неправильного поведения подростков. Но мы с этим непрерывно боремся.

– Он вам ничего не напомнил?

– Нет. Правда, я удивился. Я же в этом городе всегда живу. Город узнал, улицы узнал, изменения в нем угадал правильно, а вот этих молодых людей помню смутно. Наверное, они младше меня были. В таком возрасте один год уже играет роль.

– А я узнала.

– Что?

– Вас узнала, Корнелий Иванович. В молодости.

– Кто же там меня играет?

– Да не играет! Это про вас фильм. Это ваши воспоминания, которые вы загнали в мозжечок, чтобы забыть, а потом продали кузнечику за средство от прыщей.

– Нет! – возмутился Удалов. – Не мог я такого забыть. Не было этого!

– Теперь для вас этого нет, – подтвердила уборщица, и слеза скатилась по ее щеке. – Что продали, того нет.

– Так не бывает, – сказал Удалов.

– А может, вам без такого воспоминания легче будет? Только беднее. Не надо меня провожать.

И уборщица быстро пошла по улице, прочь от Удалова. Удалов вздохнул, не убежденный словами уборщицы, и вернулся в гостиницу. Хотя, конечно, червь сомнения в нем остался. Лицо юноши было знакомым.

Глава девятая, в которой Удалов выясняет отношения и тайком отправляется на Сапур

Может, Удалов и забыл бы о вечернем приключении, если бы не газета. Кто-то подсунул ему в щель под дверь местную газету, в которой красным карандашом была отчеркнута заметка: «Успех нового фильма».

«В мнемотеатре «Открытое сердце» демонстрируется новый мнемофильм «Первая любовь» из воспоминаний юности землянина У. Правдивость, искренность и душевная боль этого интимного зрелища не оставляют равнодушными многочисленных зрителей. Так и хочется воскликнуть: «До чего душевные проблемы едины во всех уголках Галактики!» Организатор и продюсер фильма Тори (Тори-Тори) отказался встретиться с нашим корреспондентом ввиду крайней занятости на СОС, однако мы получили интервью у владельца сети мнемотеатров, который сказал, что ввиду большого художественного и воспитательного значения фильма продюсер получил за него тройную оплату и выплатил бескорыстно всю рекордную сумму владельцу воспоминаний землянину У. Мы надеемся, что столь значительное вознаграждение склонит землянина У. к дальнейшему сотрудничеству

с нашими кинозрителями. Мы ждем новых, не менее трогательных и правдивых фильмов! Хватит нам питаться тоскливыми поделками не знающих чувств спекулянтов от искусства!».

Удалов отложил газету. Настроение у него несколько упало. Получалось, что уборщица не ошиблась. Если землянин У. – это и есть Удалов, то получается, что Корнелий заработал репутацию дельца и стяжателя.

Открылась дверь, и вбежал оживленный кузнечик.

– Доброе утро! – воскликнул он. – Все готово! Мы летим!

Тут его острый взгляд упал на развернутую газету.

– Ты уже прочел? – спросил он живо. – А я как раз хотел тебе принести, но забыл. Видишь, как мы с тобой прославились! Приятно, да? Нас ждут дальнейшие творческие успехи!

– Значит, так, – сказал Удалов жестко. – Значит, торгуем моими интимными моментами, позорим меня на всю Галактику?

– Не будь наивным, Корнелий, – ответил кузнечик. – Ты мне это воспоминание продал и не заметил его отсутствия.

– Продал, – саркастически произнес Удалов. – За бутылку средства от прыщей.

– А разве плохое средство? – нашелся кузнечик. – Разве не выводит?

– А кто мне сказал, что это средство универсальное? От всего?

– Не исключено, – сказал синхронист. – Его еще никто не пробовал употребить с другими целями. Кто может гарантировать, что оно не помогает от любви? Я лично не могу. Но не в этом дело. Собирайся живее, нас ждут растительные дома. Ты забыл?

– Кукольные? – спросил Удалов. – Как я могу верить человеку, дважды меня обманувшему?

– Почему дважды?

– А деньги? Рекордную сумму получил, бриллиантовую заколку купил, а за перелет с меня содрать хочешь!

– Клевета! – возмутился кузнечик. – Ты попал в дурную компанию! Завистники склоняют тебя к вражде с другом и благожелателем. Этот выжига, хозяин мнемотеатров, ввел в заблуждение прессу. Я с трудом покрыл расходы.

Круглые глаза кузнечика сверкали. Он был оскорблен в лучших чувствах. Но Удалов пересилил возникшую было жалость и решил кузнечику не верить. В конце концов, Удалов не первый день как на свет родился. То, что он средний, не значит, что он глупый. Поэтому Удалов притворно вздохнул и сказал:

– Ладно, не будем ссориться. Я должен признаться, что получил предложение сотрудничать в постановке фильмов. Вся выручка пополам. Через полчаса ко мне придут с авансом.

– Ты с ума сошел! – закричал кузнечик, и Удалов понял, что одним ударом выиграл битву. – Это же жулики! В луч-

шем случае они отдадут тебе треть!.. Ты их просто не знаешь! Тебе нужен искренний друг и защитник. Без меня ты погибнешь.

Кузнечик нервно вскинул коготки и проговорил совсем другим голосом:

– Кстати, Корнелий, я все забываю. Таскаю с собой твои деньги, да забываю отдать.

Лапка кузнечика исчезла на мгновение за пазухой золотого смокинга и выскочила обратно с пачкой денег. Кузнечик хлопнул стопкой о стол:

– Возьми, это твоя доля.

– Не надо, – ответил Удалов. – Я уже договорился.

– Да ты посчитай, посчитай. Неужели я тебя обману?

– Не хочу считать. Клади деньги обратно.

Кузнечик замер будто в задумчивости, потом внезапно ахнул:

– Как же так! Моя проклятая рассеянность! Я же остальные твои деньги в другой карман положил!

Кузнечик запустил лапку в тот же самый карман и вытащил оттуда еще одну пачку банкнот, вдвое толще первой.

– Все правильно, – сказал он. – Как камень с души упал. Теперь я беден, ты богат, и мы квиты. Чего только не сделаешь ради друга!

Кузнечик взмахнул лапками, но так неудачно, что из-за пазухи у него посыпались денежные купюры в таком количестве, что, даже упав на них, кузнечик не смог прикрыть их

тельцем.

– Что делать! – воскликнул он. – Помоги мне, Удалов, собрать наследство, полученное мною сегодня утром от погибшей в извержении вулкана тетушки Тори.

Удалов помогать не стал. Он уже видел этого жулика насквозь. Но, честно говоря, не обижался. Жулики похожи, в каком бы месте Галактики они ни действовали. Обижаться на них нельзя. С ними надо планомерно бороться.

Удалов собрал деньги со стола, не считая, сложил в бумажник и, пока кузнечик ползал по полу, причесался, аккуратно уложив последнюю прядь поперек лысины, поправил галстук и произнес:

– Ну что ж, пора ехать. Проверим, сохранились ли в тебе остатки совести.

– Конечно сохранились! – обрадовался кузнечик, поняв, что его простили. – Ты не думай, дорогу в оба конца я оплатил, билеты в кармане. Кстати, возьми от меня небольшой подарок. Обожаю дарить тебе подарки.

Кузнечик достал небольшую коробочку, прозрачную сверху.

– Только не выпускай, – сказал он.

В коробочке сидел, шевеля клешнями, маленький скорпиончик.

– На что мне такой подарок?

– Ах, Удалов, Удалов, – вздохнул кузнечик, – не знаешь своего счастья. Я вчера этого звереныша в карты выиграл.

Незаменим в жару или ненастье. Все знатные люди в этой части Галактики с ними не расстаются.

– Объясни, – сказал Удалов строго.

– Как известно, – ответил кузнечик, – скорпиончики живут на планете, где мягкий климат и множество фруктов. Но во время брачного сезона они перебираются на соседнюю планету, для чего проделывают несколько миллионов километров в вакууме и ищут своих подруг среди вулканов и песчаных бурь. Чтобы выжить, они научились менять в свою пользу окружающие условия. В радиусе метра. Там, где скорпиончик, всегда прохладно и приятно пахнет. Попробуй, испытай.

– Где я его испытаю? – спросил Удалов. – Здесь и так хорошо, прохладно.

– Проще простого.

Кузнечик убежал в ванную и пустил там горячую воду. Через минуту ванную заволокло клубами пара. Из клубов возник влажный Тори и сказал Удалову:

– Иди сюда, не бойся.

Удалов подчинился. Пар встретил его в дверях ванной, старался оглушить, обжечь и поглотить. Впечатление было отвратительное, но Удалов терпел. Он сделал еще один шаг в глубь помещения и вдруг увидел, как пар вокруг его головы и верхней части тела рассеивается, как будто Удалова поместили в шар, в центре которого была ладонь Корнелия с коробочкой на ней. Запахло свежими цветами. Скорпиончик

зыркнул на Удалова маленькими глазками.

– Ладно, – согласился Удалов, – беру подарок в счет будущих расплат. А он не кусается?

– Как же ему кусаться, если он в коробочке? – Тут кузнечик взглянул на часы и обеспокоился. – Побежим, только осторожно, чтобы нас не заметили. Если будут спрашивать, мы идем гулять.

– Почему такая тайна? Не люблю тайн.

– Здесь все экскурсии запланированы, а поездка на Сапур не запланирована. Пока мы ее будем планировать, обед наступит, – объяснил кузнечик.

Но в глазах его Удалов не увидел искренности и потому решил быть начеку.

– Хорошо, – сказал Удалов, – пошли, только сначала мне надо отправить телеграмму домой.

Кузнечик согласился, они зашли на телеграф, и Удалов, благо теперь у него было достаточно валюты, отправил сразу две телеграммы. Одну Белосельскому с благодарностью и сообщением, что работа съезда проходит на высоком уровне, другую домой, чтобы семья не беспокоилась. Он бы послал и третью, прекрасной Тулии, но адреса Тулии Удалов не знал.

Глава десятая, в которой Удалов летит на планету Сапур для обмена опытом в области жилищного строительства

– Вот наш корабль, – сказал кузнечик, подходя к небольшой летающей тарелочке, стоящей в стороне от звездных кораблей, там, где бетон летного поля уступал место зеленой траве и подорожникам.

– Долетит? – спросил Удалов, смущенный скромными размерами судна.

– А что с ним сделается? Не бойся. Я тоже жить люблю.

Удалов подумал, что кузнечик на этот раз говорит правду, и первым вошел в тесное, но комфортабельное нутро тарелочки.

– Лететь до Сапура полчаса. Управление автоматическое, – сказал кузнечик. – Предупреждаю: там меня слушайся беспрекословно. Чужая страна, чужие нравы. Если понравится, закупим семена.

Кузнечик уверенно сел у руля, а Удалов устроился в другом кресле и пристегнулся ремнями. Ему было приятно думать, что одолел межпланетного жулика, и потому он с удовольствием пощупал в кармане растолстевший бумажник. Потом вынул коробочку и подмигнул скорпиончику, отчего

в салоне тарелочки запахло земляникой и подул легкий бриз.

Тарелочка медленно поднялась над космодромом и, набирая скорость, помчалась на соседнюю планету.

Кузнечик уверенно действовал рычагами, тарелочка неслась за пределы атмосферы – и вдруг кто-то оглушительно чихнул.

– Это ты чихнул? – спросил Удалов.

– Нет. Разве не ты?

Они замолчали. Стало тревожно. На корабле таился кто-то третий.

– Здесь кто есть? – повысил голос Удалов.

Молчание.

– Выходи или стреляю, – пригрозил кузнечик.

И тогда послышалось шуршание, дверь шкафа, в котором хранились посуда и скафандры, открылась, и оттуда робко вышло узкое существо, схожее с грибом мухомором в трауре. На существе была тесная одежда с бахромчатым поясом и мятая широкая шляпа черного цвета с белыми круглыми пятнами. Руки его были в белых перчатках, в правой руке саквояж.

Существо откашлялось, сняло шляпу, обнаружив под ней совершенно голую голову без следов растительности, и спросило:

– Я вам не помешал?

– Мы не пассажирский корабль, – невежливо ответил кузнечик. – Что, денег на билет не было?

– А куда мы летим? – спросил мухомор.

– А куда вам надо?

– Подальше, – сказал мухомор.

Удалов понял, что лицо мухомора густо покрыто белой и голубой краской, по которой нарисованы скорбные синие брови, а под глазами черным намазаны большие пятна.

– Признавайся, зачем забрался в нашу тарелочку, – а то высажу тебя в вакуум, – пригрозил кузнечик Тори.

– Человеколюбие не позволит, – ответил мухомор, – хотя мне это уже все равно. Одним мертвецом больше.

– Успокойтесь, – сказал Удалов. – Здесь нет врагов. Вас кто-то преследует?

– Нет. Хуже. Я преследую. Но безуспешно.

– Несчастная любовь? – спросил Удалов сочувственно.

– В своем роде, – согласился мухомор. – Я, понимаете, могильщик.

– Я сразу почувствовал в нем что-то зловещее, – заметил кузнечик.

– Продолжайте, – сказал Удалов. – И у могильщиков могут быть переживания.

– Спасибо, – кивнул могильщик. – Вы добрый человек. Хотел бы я узнать ваше имя. Вы первый, кто сказал мне доброе слово за последний год.

– Меня зовут Корнелий Удалов. Кто же вы такой, несчастный могильщик?

– Моя история ужасна, – сказал могильщик, усаживаясь в

кресло, уступленное ему Удаловым. – Я прожил свою жизнь на далекой отсюда планете шесть-Г в созвездии Кита.

– Как же, знаю, – вмешался кузнечик, который не скрывал своего раздражения появлением пассажира. – Паршивое место. Я там лихорадку подхватил.

– Я сын могильщика и внук могильщика. Это наша наследственная специальность. Я не представляю себе иного ремесла, зато в своем я профессионал. Ко мне специально приезжали умирать с соседних континентов.

– Ты ближе к делу, – сказал кузнечик. – Самореклама нас не интересует.

– Тори, ты нетактичен! – упрекнул его Удалов.

– Я продолжаю, – сказал мухомор. – В последние годы наша планета переживает экологический кризис. Стало меньше лесов, сказывается недостаток древесины, бумаги, дорожают естественные продукты.

– И повышается смертность, – вставил сочувственно Удалов.

– Ах, не в этом дело! – возразил могильщик. – Дело в том, что сегодня достойно похоронить человека стоит в три раза дороже, чем десять лет назад. Мы, могильщики, чтобы не разориться, вынуждены поднимать цены.

– Во сколько раз? – спросил кузнечик.

– Нет, только так, чтобы покрыть расходы. Главное – честь фирмы. Мы постепенно разорялись и беднели и все же старались обеспечить нашим согражданам достойное погребе-

ние в пределах их бюджета. Правда, нам не всегда это удавалось. И вот в обстановке экономического кризиса нам был нанесен предательский удар в спину.

– Правительство прижало? – спросил кузнечик ехидно.

– Хуже. Началась всеобщая забастовка населения планеты.

– Они сами себя хоронили? – догадался Удалов.

– Еще хуже. Они отказались умирать. Представляете, все вплоть до древних стариков забастовали и перестали умирать с одной лишь коварной целью – разорить людей, которые озабочены тем, чтобы обеспечить людям достойную встречу с вечностью.

– И не умирают? – захихикал кузнечик.

– Уже полгода.

– И даже штрейкбрехеров нет?

– Было два, – признался мухомор. – Из числа наших родственников.

– Вы бы снизили цены, – посоветовал Удалов. – Ведь людям тоже трудно – полгода без единой смерти.

– Нет, дело в принципах, – сказал мухомор. – Мы эмигрировали. Я, в частности, прилетел сюда.

– И здесь не умирают?

– Умирают, но здесь свои могильщики, которые не пустили меня в свой профсоюз. Поэтому я забрался в ваш корабль, чтобы отыскать планету, где живет население, достойное услуг моей древней фирмы.

– Да, история, – сказал Удалов. И понял, что никак не может вызвать в себе сочувствие к горю могильщика.

Кузнечик продолжал хихикать, повторяя:

– Никто не умирает! Вот молодцы!

Мухомор подобрал ноги, надел шляпу и спросил:

– Завтрак будут подавать?

Удалов вынул бутерброды, угостил спутников, пожевал сам.

«Вот лечу я с одной планеты на другую, – рассуждал он, – в отдаленном пункте космоса жую спокойно бутерброд даже не с маслом, а с неизвестным жиром и с колбасой, которая сделана из чего-то, о чем лучше и не думать. Лечу как будто в командировку, ничему не удивляюсь, гляжу в иллюминатор на неизвестные мне созвездия, а в бесконечной дали пространства затерялась моя родная Земля, и на ней незначительной точкой разместился город Великий Гусляр, мало кому известный даже в пределах нашей необъятной родины. А на другом конце Галактики, может быть, тоскует обо мне незнакомая, но любящая девушка Тулия, у которой такая милая и добрая мама родом из Атлантиды. Вот так сближаешься с людьми, перестаешь удивляться, как переставал в свое время удивляться путешественник Марко Поло, обойдя Землю, а ведь нельзя не удивляться, иначе и нет смысла пускаться в дальние странствия. Не удивляться можно и дома, у экрана телевизора».

За иллюминатором, двигаясь параллельным курсом, ми-

гала какая-то точка.

– Погляди, Тори, – сказал Удалов, – кто-то за нами летит.

– Ничего интересного, – ответил кузнечик, – блуждающая звезда.

– Не похоже на блуждающую звезду, – сказал могильщик. – Я много по космосу летал, спецпогребения обслуживал, а таких блуждающих звезд не видал. По-моему, и в самом деле за вами кто-то гонится.

– Не обращайте внимания, – поспешил возразить кузнечик. – Мало ли дряни в космосе летает. Лучше доедайте и готовьтесь к посадке.

Могильщик смерил кузнечика недоверчивым профессиональным взглядом, но промолчал, а Удалов снова пустился размышлять о странностях своей судьбы.

– Надо ездить, – сказал он наконец вслух. – Надо больше ездить и смотреть.

– Нет, – возразил могильщик. – Лучше не ездить и умирать дома.

Глава одиннадцатая, в которой с Удаловым происходят неприятные события на планете Сапур и его постигает разочарование

Кузнечик сверился с картой и посадил корабль в поле, неподалеку от растительного города.

– Ты, Удалов, – сказал он, – вперед не лезь. Торговаться буду я. А то тебя надуют. Подсунут негодные семена.

– Хорошо, – согласился Удалов. – Ты опытней, ты и действуй. Только я буду за тобой, прости, наблюдать, потому что тебе не доверяю.

Кузнечик снисходительно отмахнулся и быстро пошел по тропинке в лес. Он был озабочен, все поглядывал на часы, и Удалов предположил, что синхронный переводчик боится опоздать к дневному заседанию СОС.

Мухомор шагал сзади, оглядывался, принюхивался и своим обликом придавал экспедиции прискорбный оттенок. А уж как он раздражал кузнечика, даже трудно представить.

– Отстань, – говорил кузнечик. – Чего за нами плетешься? Топай в другую сторону, там, я слышал, кладбище есть.

– Извините, но кладбище меня не интересует, – отвечал могильщик. – Меня интересует не результат, а процесс. Я в некотором смысле олимпиец.

Удалов поглядывал на высокие деревья, мимо которых пролегал их путь, но деревья были самые обыкновенные, стволы без дверей.

– Потерпи, – сказал кузнечик, заметив интерес Удалова к природе. – Еще пять минут.

Лес был привычный взгляду, лиственный, с птицами и насекомыми, дорожка тоже была обычной, и Удалов от такого мирного окружения даже стал напевать песню. И вдруг кузнечик замер, а его спинка задрожала от волнения.

– Ничего не понимаю, – признался он. – Только на той неделе я сюда прилетал. Где же город?

Они вышли к краю громадного, изрытого ямами поля. Меж ям тянулись тропинки, у тропинок стояли столбы, и на них были указатели с названиями улиц.

– Могу поклясться. – сказал кузнечик, а Удалов, почувствовав неладное, спросил его прямо:

– Опять, Тори?

– Погоди! – Тори увидел лежащую на траве человеческую фигуру.

Они подбежали к человеку. Тот был в беспамятстве и тихо стонал. Могильщик наклонился над ним, достал из саквояжа флакон и дал человеку понюхать. Тот со стоном открыл глаза.

– Что случилось? – спросил нервно кузнечик. – Где весь город?

– Это ужасно, я скоро умру, – ответил человек и смежил

веки.

– Он еще не сейчас умрет, – сказал могильщик. – Поверьте моему опыту. Он еще немного протянет.

– Говори же, что случилось с вашим городом? – настаивал кузнечик.

– Несчастье. И мы сами виноваты, – простонал человек. – Мы поселились в домах-растениях, полагая, что комфорт нам обеспечен навсегда. Так прошло двадцать лет. Наши квартиры послушно росли, мы не знали жилищного кризиса и всегда дышали свежим воздухом. Новые семьи отпочковывались вместе с деревьями. Но мы не учли.

Человек закатил глаза, и могильщику пришлось снова поднести к его носу флакон.

– На чем я остановился? – спросил умирающий. – Ах да! Мы забыли узнать у путешественников, которые привезли нам семена, как эти деревья размножаются.

– И как же? – поинтересовался Удалов.

– Мы узнали об этом сегодня ночью. С вечера наши квартиры зацвели громадными пахучими цветами, а ночью деревья вытащили корни из земли и побрели искать своих подруг. Оказалось, что у нас в городе обитают лишь деревья мужского пола, а для того, чтобы продолжить род, они должны опылить женские цветы.

– Но где же женские деревья?

– Их забыли импортировать, – прошептал человек. – Теперь наши квартиры вместе со всем населением бредут неиз-

вестно куда и неизвестно когда остановятся. А я нечаянно выпал из своей квартиры и разбился.

На этих словах несчастный житель ушедшего города окончательно потерял сознание.

– Пошли догонять, – сказал Удалов. – Там же жители волнуются, дети.

– А как мы их найдем? – спросил кузнечик.

– По следам. Они же следы оставляют. Как стадо слонов.

– Нет, подождем здесь. Может, нагуляются, возвратятся.

– Идем, идем, – настойчиво повторил Удалов и потянул переводчика за рукав.

– Я останусь! – крикнул им вслед могильщик. – Возможно, этот страдалец помрет. Я уж похороню его бесплатно, для практики. Соскучился без дела.

Не успели Удалов с кузнечиком пробежать и ста метров, как нечто круглое и огромное закрыло свет солнца. Удалов поднял голову и понял, что прямо на них опускается космический корабль.

Приятели бросились в сторону, но, не долетев до земли, корабль завис, и из открывшихся люков принялись прыгать на траву тяжело вооруженные десантники.

Еще через минуту Удалов сдался в плен. Неизвестно кому. Удалова подвели к офицеру, который командовал десантом. Справа от Удалова стоял понурившись кузнечик, слева могильщик, которого оттащили от потенциального мертвеца.

– Здравствуйте, ваше Преимущество, – сказал неожиданно кузнечик. – Ваше задание выполнено.

– Где город? – спросил офицер спокойно и даже вяло.

Лицо его было неподвижно, зрачки замерли посреди белков, словно у слепого.

– Случилось непредвиденное осложнение, – объяснил кузнечик виновато. – Оказывается, город ушел искать своих самок.

– Не шутить, – сказал строго офицер и тонким хлыстом ожег плечо кузнечику, отчего золотой смокинг франта с планеты Тори-Тори разорвался, обнаружив зеленое покатое плечо.

– Город был растительный, – объяснил Удалов, чтобы рассеять недоразумение. – Он был весь из деревьев, и деревья ушли.

– Они издеваются над нами. Деревья категорически не ходят, – сказал вяло офицер. – По сто плетей каждому.

– Погодите! – вскричал могильщик. – Вон там лежит пострадавший местный житель. Он в таком состоянии, что лгать не будет. Допросите его, и поймете, что мы вас не обманываем.

Офицер приказал солдатам стеречь пленников, а сам, помахивая хлыстом, направился к умирающему.

– Скажи мне, Тори, – обратился Удалов к кузнечику, – откуда тебе знаком этот офицер и какое задание ты выполнил?

– Это тебя не касается, Удалов, – сказал Тори. – Но скры-

вать не стану. Его Преимущество – энтомолог. По его просьбе я наблюдал за ночными бабочками.

– Кстати, – заметил могильщик, – в космосе нас преследовал именно этот корабль.

– Совпадение, – ответил кузнечик, но никто ему не поверил.

Офицер вернулся к ним и сказал:

– Ваш местный житель так быстро умер, что мы не успели его пытать. Но он успел признаться, что выпал из уходящего дома. А где Удалов? Тори обещал его сюда доставить.

– Но не бесплатно, – нагло, но притом трусливо заметил подлый кузнечик.

– Не рекомендую упрямиться, – посоветовал офицер, помахивая хлыстом.

– Я Удалов, – признался Корнелий. – Что вам от меня нужно?

– Узнаешь, когда доставим. А кто второй?

– Я могильщик, – сообщил мухомор. – Но в данный момент я без работы. По вашему воинственному виду я полагаю, что мне в вашем уважаемом мире найдется достойная работа. Я согласен лететь с вами.

– Берите и его, там разберемся.

– Ваше Преимущество, – настаивал кузнечик, – мне пора возвращаться на СОС. Расплатитесь со мной, и я уеду.

– Задание ты выполнил только наполовину, – сказал офицер. – Города ты мне не обеспечил, а за одного Удалова пла-

тить не имею полномочий.

– Тогда я не буду больше на вас работать, – сказал кузнечик, – и вы лишитесь лучшего агента в сердце СОС.

– Другого найдем, – ответил офицер. – Не такого склочного. Попроще, поисполнительней.

Солдаты загоготали.

– Ах так! – воскликнул кузнечик. – Я буду жаловаться! Я немедленно возвращаюсь на СОС и сообщаю, что вы украли одного из самых популярных делегатов, любимца всего съезда, Корнелия Ивановича Удалова. Берегитесь, разбойники!

– Взять мерзавца! – приказал офицер своим солдатам, и те с нескрываемым удовольствием подхватили кузнечика под локти.

Через несколько минут кузнечик вместе с Удаловым и могильщиком оказались в стальной утробе космического корабля. К тому же надо отметить, что в ходе этой операции и Удалов, и кузнечик лишились своих сбережений, а могильщик саквояжа.

Дверь в утробу задвинулась, зажужжали двигатели, и космический корабль взял курс неизвестно куда.

– Предатель, – сказал Удалов без особой обиды, хоть и с отвращением. – Заманил меня на планету.

– Ты не понимаешь, – оправдывался кузнечик. – Я из принципиальных соображений. Я идейный предатель. Деньги только символ моей предательности. Учти, они разберутся, и наглый офицер будет жестоко наказан.

– Но прежде я накажу тебя, – сказал Удалов.

– Правильно, – обрадовался могильщик. – Не удалось мне похоронить лесного жителя, совершу погребение этого негодяя.

Поверив в серьезность намерений Удалова, кузнечик бросился к стальной двери и принялся стенать и ударяться о нее телом, однако никто не откликнулся на его жалобы.

Могильщик тем временем вытащил из кармана рулетку, легкими, буквально незаметными движениями обмерил кузнечика и сообщил Удалову:

– Это обойдется недорого, можно использовать детский гробик. Оркестра заказывать не будем. Венок один, из желтых лютиков.

Спокойный и деловой тон могильщика произвел на кузнечика удручающее впечатление, и его вопли достигли такого накала, что в корабле началась опасная вибрация и стали образовываться трещины, сквозь которые со свистом уходил воздух. Сирена тревоги частично заглушила крики кузнечика, и Удалов подивился, какая сила жизни, какое стремление к благополучию заложены в этом небольшом теле.

Могильщик протянул руку в направлении к Удалову и, повернув большой палец к дребезжащему полу корабля, сделал известный на аренах Древнего Рима жест, который употреблялся, когда общественность требовала добить поверженного гладиатора.

«Нет», – покачал головой Удалов. Он вспомнил, что пред-

ставляет здесь гуманистическое передовое общество.

– Может, он еще исправится! – закричал Удалов, но крик его затерялся в прочем шуме.

Так жизнь коварного кузнечика, уже висевшая на волоске, была спасена – неизвестно еще, на благо действующих лиц нашей драмы или им во вред.

Постепенно кузнечик перестал вопить и лишь тихо рыдал, сжавшись в комок у двери и бросая опасливые взгляды на спутников. Могильщик, разочарованный милосердием Удалова, рисовал карандашиком на стене проекты коммунальных катафалков, а Удалов расстраивался из-за того, что нечаянная задержка заставит его пропустить вечернее заседание съезда.

Глава двенадцатая, в которой Удалов оказывается в плену и узнает о странной судьбе населения планеты Кэ

Вскоре пленникам приказали покинуть стальную комнату и привели их к выходу из корабля, который опустился на планете Кэ.

Планета встретила Удалова легким грибным дождем, капли которого выбивали веселую дробь по листве деревьев и лепесткам роз. За пределами выжженной и умятой кораблями бетонной площадки местность была покрыта ковром разнообразных цветов, из которого поднималось массивное здание космовокзала. Несказанный аромат обволакивал тело и нежил органы чувств, а мириады бабочек оживляли общую картину, соперничая с цветами яркостью и неожиданностью расцветок.

– Неплохо, – сказал Удалов, который умел ценить заботу о красоте и экологии. – Просто замечательно: если они любят цветы, значит, у них открытые сердца.

Кузнечик почему-то хихикнул, а шедший сзади солдат больно толкнул Удалова прикладом.

Здание вокзала оказалось давно не крашенным, штукатурка осыпалась, но вьющиеся растения придавали руинам

живописный и романтический вид.

Над входом в здание висела потрепанная дождями и ветрами выцветшая вывеска: «Добро пожаловать на планету Кэ, где вас ждут всегда!». В здании космодрома было душно и влажно, как в оранжерее. Горшки с резедой и ящики с ландышами стояли на полу, и порой приходилось через них прыгать.

Навстречу офицерам вышел исхудалый толстяк с кожей обвисшей, как у голодающего слона, и в башмаках не на ту ногу. Толстяк был небрит, нестрижен, нечесан. Он жевал ландыш.

– Привезли? – бросил он коротко.

– Только Удалова, – ответил офицер. – Город успел сбежать.

– Удалов сопротивлялся? – спросил толстяк, почесываясь.

– Куда он денется?

Удалов обратил внимание на странную особенность губ толстяка. Они двигались не в такт словам, будто толстяк не очень умело дублировал кого-то другого. Удалов даже оглянулся, заподозрив какой-нибудь фокус, но рядом никого, кроме солдат, не оказалось.

Кузнечик оттолкнул Удалова и сделал шаг вперед.

– Прошу немедленно провести меня к Его Необозримости, – потребовал он. – Имею секретное донесение.

Неопрятный толстяк удивился, приподнял брови и замер, словно прислушиваясь.

– Нет, – сказал он после паузы. – Сначала разглядим Удалова. Здравствуйте, Удалов.

– Здравствуйте, – кивнул Корнелий. – Я весь на виду.

– Где мое уменьшительное стекло? – спросил толстяк.

Никто не смог ему помочь. Толстяк принялся копаться в складках своей широкой мятой одежды, наконец вытащил откуда-то стекло, приставил его к глазу, отчего глаз несказанно увеличился, и уставился на Удалова. Он рассматривал делегата с Земли минуты две. Удалову даже надоело стоять, и он переступил с ноги на ногу.

– Не производит впечатления, – произнес толстяк разочарованно. – Накормите их и приготовьте к церемонии.

Солдат отвел пленников в столовую. Столовая была недалеко, за оплетенной диким виноградом перегородкой из ящиков и чемоданов. Стены ее были покрыты коричневой краской, пол заплеван, окна запылены, сквозь трещины в полу пробивалась трава.

Кухни при столовой не было. Только стойка, на которой лежали груды мятых лепестков роз и букетики гиацинтов. Повар с помощником рубили лепестки широкими ножами, а мальчишки на побегушках перемалывали гиацинты в мясорубках. Удалов подумал, что цветочные запахи ему начали понемногу надоедать. Очень захотелось селедки.

Народу в столовой было немного. Ели одно и то же – салат из рубленых лепестков, на второе – кашу из провернутых лепестков. Ели быстро, скучно, равнодушно, хотя порой из

уст вырывались удовлетворенные возгласы.

Солдат подтолкнул пленников к стойке, где повар шлепнул им в тарелки по горсти салата, а мальчишки на побегушках положили на блюдца по ложке цветочной кашки.

Взяв свои порции, пленники отыскали свободные места за длинным столом. Могильщик принюхался к пище и сказал:

– Как у нас на кладбище!

– Вы тоже так едите? – удивился Удалов.

– Нет, только нюхаем, а венки потом выкидываем.

Удалов покачал головой, внутренне осуждая черный юмор, а потом посмотрел на соседа по столу. Им оказался небритый молодой человек с тупым взглядом, в пиджаке задом наперед. Ел он размеренно и тихонько ухал. Напротив Удалова питалась старуха в скатерти, накинутой на плечи. Удалов протер грязную ложку носовым платком, зачерпнул салата и осторожно поднес ко рту. Как он и опасался, салат из лепестков оказался горьковатым.

– Нет, – вздохнул Удалов, – так не пойдет. Хоть бы подсахарили.

– Не нравится? – враждебно спросила старуха в скатерти. – Вы только посмотрите – ему нектар не нравится.

– А вам нравится? – удивился Удалов.

– Вздор! – рявкнула старуха. – Всем нравится.

– Я не спорю, – смутился Удалов. – Красиво, элегантно, пахнет приятно. Но ведь это чтобы нюхать, а не чтобы жевать.

– А эфирные масла? – строго напомнил молодой человек в пиджаке.

– Эфирные масла для одеколона и бабочек, – не согласился Удалов. – Хотя с чужими обычаями спорить не буду.

– Странно, – не успокаивалась старуха. – Господам нравится, а ему, видите ли, не нравится. Так что же тебе, любезный, подавать прикажешь?

– Хлебушка бы, – признался Удалов.

– Он хочет хлеба! – воскликнула старуха, не двигая губами. – Мерзавец!

Но при этом глаза старой женщины увлажнились, а молодой человек так шумно и судорожно проглотил слюну, что Удалову стало ясно – от хлеба они бы не отказались.

Наступила тишина. Будто кто-то невидимый, но властный приказал всем замолчать. И тут же люди, словно забыв о еде, стали подниматься со своих мест, выстраиваться в колонну по два и пустились по залу, скандируя, сначала робко и разрозненно, а потом все громче и горячее:

– Да здравствует цветочный салат! Да славятся эфирные масла! Долой хлеб и ненавистные эскалопы!

– Долой! – катилось по залу.

Звенела посуда. Повара, помощники поваров и мальчишки на побегушках аплодировали и кричали оскорбления в адрес белков и углеводов.

Правда, губы у всех двигались невпопад.

Приплясывая, охваченные энтузиазмом, люди продвига-

лись к дверям и исчезали. Наконец последний из них покинул столовую, и остались лишь обслуживающий персонал, солдат и пленники. Солдат как ни в чем не бывало продолжал уплетать цветочную кашу.

Кузнечик презрительно поглядел на него и сказал:

– Они себя заживо губят.

– Исхудали, – согласился с ним могильщик. – Готовый материал для меня. Не планета, а золотые прииски.

– Если вы их переживете на этой диете, – заметил Удалов.

– Не переживет, – криво усмехнулся кузнечик. – Всех вас психически уничтожат.

– А тебя?

– Меня нет. Я подлец, а законченные подлецы дефицитны. Я иногда сам себе поражаюсь. Феноменальная атрофия совести: всех готов продать.

– Удалов, – проговорил могильщик, – надо было нам его ликвидировать на корабле. Похоронили бы давно, и никаких забот.

– Вот видишь, Тори, – сказал Удалов. – Могильщик, может быть, и прав. А если еще не поздно?

– Поздно, – хихикнул кузнечик, показав выпуклыми глазками на солдата.

Солдат вылизал тарелку, потом понюхал ее, подобрал упавший на стол лепесток, встал, подошел к пленникам и сказал:

– Пора, потенциальные!

Следующий час пленники провели в бывшей комнате матери и ребенка, переделанной в изолятор с помощью решеток на окнах.

В изоляторе было пыльно и зябко. Здесь хранились мешки с цветочными семенами. Могильщик храбрился и говорил, что профессионально наслаждается в атмосфере кладбищенского склепа. Удалов быстро ходил, перешагивая через детские стульчики и ломаные игрушки.

Вдруг кузнечик воскликнул:

– Ты плохой товарищ, Удалов! Ты эгоист.

– Почему? – удивился Корнелий.

– Коробочка со скорпиончиком где? В кармане?

– Я совсем забыл. Прости, – сказал Удалов.

Он вынул из кармана скорпиончика. Скорпиончик принюхался к холодному воздуху и тут же создал вокруг нормальную атмосферу. В изоляторе потеплело, запахло розами, и узники сбились в кучу, чтобы на всех хватило тепла.

– Странная планета, – сказал Удалов, когда согрелся. – Глаза у всех пустые, едят цветочки, говорят, что хлеба им не нужно, эскалопы, говорят, долой, и вообще вид неопрятный.

– Это объяснимо, – ответил кузнечик. – Весь цивилизованный мир бьется над тайной планеты Кэ, все считают их больными загадочной болезнью. А дело просто – планета попала в плен.

– Так что же ты раньше не сказал? Давно бы уж меры приняли.

– А ты забыл, что я им продался? – спросил кузнечик.

– Не очень выгодно продался, – заметил могильщик.

– Я уже от них отрекся. Поэтому и сообщаю страшную тайну. Тебе, Удалов, первому.

– Ну, рассказывай.

– Рассказывать недолго. Забрели как-то на эту планету микробы. То ли забрели, то ли сами вывелись – в общем, не важно. Отличаются эти микробы от обыкновенных тем, что они мыслящие. Казалось бы, что такого – занимайся созидательным трудом, участвуй в общем братстве Галактики. Так нет, они сами созидать не хотят, а паразитируют в других существах.

– Значит, паразиты! – воскликнул Удалов.

– Ничего подобного, – раздался голос, и дверь в изолятор открылась.

Неопрятный бывший толстяк, который встретил пленных на космодроме, вошел, тяжело ступая по куклам и погремушкам.

– Ничего подобного, – повторил толстяк. – Никакие не паразиты, а глубокоуважаемые господа микроорганизмы.

– А я так и сказал, – поспешил исправиться кузнечик. – Так именно и сказал. Глубокоуважаемые и милостивые господа благородные микроорганизмы.

Что-то внутри толстяка треснуло и заверещало. Толстяк стоял с открытым ртом и покорно ждал, пока эти звуки прекратятся.

– Мы смеемся, – сказал он, когда все смолкло. – А ты, продажный Тори, продолжай. Секретов здесь нет. От нас еще никто не уходил таким же, как пришел. Говори!

Кузнечик отошел от своих товарищей, неловко поклонился и сказал:

– В общем, остальное понятно. Господа микроорганизмы по просьбе жителей планеты Кэ поселились здесь, и тогда жители планеты Кэ обратились с просьбой к уважаемым микроорганизмам, чтобы для большего единения между населением планеты и уважаемыми микроорганизмами последние внедрились внутрь жителей планеты Кэ. С тех пор в каждом жителе планеты Кэ обитает уважаемый микроорганизм и подсказывает ничтожному жителю планеты Кэ ценные мысли. Я правильно излагаю?

– Нет, конечно, – ответил неопрятный толстяк. – Какое уж тут единение! Мы, микроорганизмы, или паразиты, как сказал дорогой Удалов, да не простится ему это хамство, хозяева. Мы приказываем, а люди слушаются. И никакого равноправия. Все делается так, как удобно нам, кхе, паразитам. Это мы, кхе-кхе, паразиты, любим эфирные масла душистых цветов. Поэтому все на планете любят только эфирные масла, разводят цветы, нюхают цветы и жуют цветы. Мы никогда не убиваем пленных. Зачем? Каждый новый человек – домик для одного из нас. Ведь мы быстро размножаемся. У нас уже очередь на новые тела. Вот теперь и в вас вселимся.

– Только не в меня, – проговорил быстро кузнечик. – Я

добровольно и сознательно служу благородному делу.

– А почему не в тебя? Будет в тебе жить мой брат или внук, будет, как ты сам сказал, с тобой в единении, будете вы дружить, и будет он тебе подсказывать, как думать, о чем думать, о чем не думать, когда чего говорить, а когда лучше промолчать. Твоя же цена как агента втрое повысится. Радуйся, дурак!

– Я, конечно, радуюсь.

– Радуйся молча. И ты, могильщик, нам пригодишься. Нам могильщики нужны. Мы все время распространяемся, а наши человеческие тела так несовершенны! Живут мало, дохнут как мухи. Работы тебе хватит.

– Спасибо, – произнес могильщик с чувством. – Мне все эти споры о единении и подчинении чужды, я аполитичен. Мне нужен созидательный труд и заслуженное вознаграждение.

– А вот о вознаграждении забудь, – сказал неопрятный толстяк.

А так как губы толстяка были неподвижны, Удалов уже сообразил, что говорит хозяин толстяка – уважаемый микроорганизм. И понятно стало Удалову, почему люди здесь так плохо одеты, небриты и немыты. Зачем? Микроорганизмам это неинтересно. Они-то голые.

– Я не могу забыть о выгоде. Я деловой человек, – объяснил могильщик.

– А вот вселится в тебя мой дядя, и станет тебе безраз-

лично, за деньги ты копаешь могилы или для собственного удовольствия. Вставайте, пора.

– Куда? – спросил Удалов.

– Во дворец. Там нас ждет Его Необозримость Верховный микроб. Он лично намерен вселиться в тебя, Удалов. В торжественной обстановке. Тело у него хоть и почетное, но старое, малоценное. А твое нам подходит. Особенно ввиду твоей будущей роли в Галактике.

– Моя роль самая скромная, – сказал Удалов. – Не вижу причин обращать на меня особое внимание. К тому же должен вас официально предупредить, что я не какой-нибудь бродяга без роду и племени, а представитель Земли. За мной стоят шесть миллиардов землян, которые никогда не дадут в обиду своего товарища. Так что, поднимая руку на меня, учтите: вы поднимаете руку на свободолюбивую Землю!

Удалов говорил громко и торжественно. Он даже пожалел, что рядом нет Коли Белосельского и товарищей по работе, которые смогли бы оценить правильность и убедительность его речи.

Неопрятный толстяк терпеливо дождался, пока Удалов кончит, потом криво усмехнулся и сказал:

– Хорошо излагаешь. Нас не обманули. Верховный микроб будет рад поселиться в твоем теле. А что касается шести миллиардов жителей Земли, то нам приятно слышать о таком количестве носителей. Какие перспективы для нашего размножения! Так что Землю мы тоже покорим! Может

быть, даже с твоей, Удалов, помощью.

Глава тринадцатая, в которой Удалов встречается с Его Необозримостью Верховным микробом и с девушкой Тулией

– Перед Его Необозримостью вести себя культурно, – предупредил неопрятный толстяк, ведя пленников по коридорам космопорта к выходу на улицу. Сзади топали солдаты. – Его Необозримость не выносит хамства.

– А почему вы его называете Необозримостью? – спросил Удалов.

– Во-первых, из уважения к его уму и талантам, – ответил толстяк. – А во-вторых, он воистину огромен. Ты не поверишь, но Верховного микроба можно разглядеть невооруженным глазом.

– Не может быть! – подобострастно воскликнул кузнечик.

– И он продолжает расти, – добавил толстяк.

Полдороги они проехали в старом открытом автомобиле, но на одном из поворотов двигатель заглох, и завести его не удалось. Шофер лениво копался в моторе, потом задремал на дороге, а когда солдаты принялись его лупить, микроб, который жил в шофере, потребовал прекратить избиение, потому что от этого в теле шофера возникала неприятная для микроба вибрация.

Пришлось вылезать из машины и идти дальше пешком, что было нелегко, так как с улиц давно уж никто не убирал сор и отбросы. На одном из перекрестков пришлось остановиться. По улице медленно двигалась демонстрация. Демонстрация состояла из нескольких сот кое-как одетых и полуодетых женщин в цветочных венках и гирляндах, которые несли коряво написанные плакаты и лозунги. Кое-какие из них Удалов запомнил: «Мой микроб всегда со мной», «Ни шагу без микроба», «Порадуем хозяев повышенной рождаемостью!». Многие несли круглые щиты с тремя буквами «П». Буквы по-разному располагались на щитах.

– Что это значит? – спросил Удалов у неопрятного толстяка.

– Послушание-Прилежание-Простота. Наш главный лозунг. Нравится?

– Не нравится, – честно ответил Удалов.

– А мне нравится! – сказал кузнечик. – Я просто счастлив видеть такую стройную организацию населения, такое единодушие, такую любовь к микробам!

– Попробовали бы они иначе, – заметил толстяк. Потом он поднял руку и закричал: – Старайтесь, дорогие женщины! Мы с вами!

– Ура! – закричали нестройно женщины.

Как только демонстрация миновала, толстяк поспешил через дорогу. Солдаты лениво семенили сзади, нюхая розочки, вставленные в дула автоматов.

Дворец бывшего Президента планеты Кэ, как нетрудно догадаться, был в плачевном состоянии. Штукатурка осыпалась, некоторые колонны рухнули, их обломки загораживали подъезд ко дворцу, отчего туда проходили по вьющейся тропинке, поглядывая наверх, не свалится ли еще что-нибудь.

Никто не охранял входа, да видно, на этой планете в охране не было смысла, потому что в каждом преступнике сидел бдительный наблюдатель, а к борьбе за власть между собой микробы еще не приступили.

В коридорах и холлах дворца слонялись тусклые люди, человек, на котором были только ботинки, спал на ступеньках, большой бак с цветочным отваром стоял на лестничной площадке, лакей в рваной ливрее мрачно жевал гладиолус. При виде поднимающихся по лестнице солдат с пленниками он вскочил, изобразил на лице радость и слишком громко закричал:

– Не желаете ли нектара? Нет ничего вкуснее нектара!

– Спасибо, на обратном пути, – вежливо ответил Удалов.

Наконец они вошли в центральный зал, где их ожидал предупрежденный заранее Верховный микроб. Увидеть его невооруженным глазом Удалов не мог, потому что микроб был спрятан в теле немощного старика, бывшего Президента планеты. Старик, хранивший в себе микроб, сидел на возвышении в золотом потертом кресле, а вокруг толпились сановники.

Неопрятный толстяк, обогнав пленников, прошел прямо

к креслу и объявил:

– Корнелий Удалов с Земли и взятые с ним лица просят разрешения приблизиться.

– Молодец, молодец, – произнес добрым голосом старик, поглаживая морщинистой рукой белоснежную жидкую бороду. – Значит, ты и будешь Удалов?

Глазки старика уперлись в лицо Удалову, и тому показалось, что за зрачками таится крупный микроб. Но, разумеется, это было не так.

Удалову было трудно смириться с мыслью, что старик перед ним не настоящий, а только оболочка, и сановники, стоящие по бокам, тоже только оболочки. Он не удержался и задал неделикатный вопрос:

– Простите. А вот вы, человек, в котором сидит паразит, как вы это ощущаете?

И, к его удивлению, старик ответил совершенно другим голосом:

– Погано. – И тут глаза его остекленели, губы сжались, и через ноздри прозвучало окончание фразы: – Я наслаждаюсь постоянным присутствием Его Необозримости. Я счастлив быть оболочкой.

– Понимаю, – вздохнул Удалов, – как же, понимаю.

И только теперь до него дошел весь ужас его положения. Раньше все было не очень реально. Ну попал в плен, с кем не бывает, ну привезли во дворец, понятно. Но когда он увидел, как остекленели, застыли глаза несчастного Президента,

когда заговорил в нем микроб, Удалов сжался. Даже сердце застучало с перебоями.

– Как доехали? – спросил Президент, подергивая бороду. – Вас хорошо разместили?

– Что? – спросил Удалов, почти не слыша.

За него ответил кузнечик:

– Мы отлично доехали и удобно устроились, Ваша Необозримость. Мы рады, что увидели лично вас!

– Меня не видно, – сообщил Президент. – Мне говорили, что ты продажный и неумный агент. Это так?

– Не умен, – поспешил согласиться кузнечик. – Совершенно недостоин быть оболочкой уважаемого микроба.

– А нам твой ум ни к чему, – раздался мелодичный женский голос.

Сановники засмеялись.

Удалов вздрогнул и обратил взор в направлении голоса. В толпе придворных, не замеченная раньше, стояла его возлюбленная.

– Тулия! – закричал Удалов. – Дорогая! Мы встретились! – Он сделал шаг к девушке и простер вперед руки.

– Что с ним? – удивился Президент.

– Он влюблен в меня, – ответила со смехом прекрасная Тулия. – Когда я выполняла твое задание на Альдебаране и попыталась выкрасть Удалова с пересадочной станции, мне пришлось изобразить некоторую заинтересованность в этом барашке. Вот он и попался.

Сановники, сам Президент, солдаты и даже неопрятный толстяк чуть не умерли от хохота. Оказалось, что и у микробов бывает чувство юмора. Захихикал даже кузнечик, и мрачно, не поднимая опущенных углов губ, улыбнулся мухомор-могильщик.

Удалов был готов провалиться сквозь землю. Он опустил руки, и они плетьми повисли вдоль тела. Он чувствовал, как позорная алая краска залила ему щеки. Он судорожно проглотил слюну и, когда смех немного стих, произнес:

– Тулия, ваша мама не имеет от вас никаких известий и очень беспокоится.

– Мама! – воскликнула девушка, но тут же гнездящийся в ней микроб перехватил ее голос и сказал: – У меня нет отца и нет матери. Мы все родственники Его Необозримости Верховного микроба.

И Удалов понял, что больше ему разговаривать с этой девушкой не о чем. И понял другое: если удастся ему, если повезет избавиться от ужасной угрозы стать оболочкой для микроба, он сделает все, что в его силах, чтобы спасти и вернуть к матери и к учебе в университете эту несчастную девушку. И конечно, спасти остальных жителей планеты Кэ.

Глава четырнадцатая, в которой Удалов вступает в нечаянное единоборство с Верховным микробом

– Ну что ж, начнем, пожалуй, – сказал скрипучим голосом Президент.

– С кого начнем? – спросил неопрятный толстяк.

– Со второстепенных персонажей, – решил старик. – Например, с вашего неудачливого агента.

– Я удачливый! – закричал кузнечик. – Я вам доставил Удалова! Совершенно бесплатно, из идейных соображений. Меня можно отпустить.

– Сейчас ты и получишь награду, – ответил Президент. – Высшую награду. Ты возводишься в высокий чин носителя моего двоюродного брата, который только вчера потерял предыдущее тело. Приступайте.

Неопрятный толстяк с одним из солдат прошел в угол зала, где за колоннами лежало нечто, покрытое коврами. Они приподняли ковер за угол, оттянули на себя, и под ковром обнаружилось несколько мертвых тел.

– Какой из них ваш кузен? – спросил толстяк.

– По-моему, первый справа, – сказал Президент.

Вдруг, к ужасу Удалова, из второго слева мертвеца послы-

шался голос:

– Нет, я здесь.

Толстяк вытащил из своего воротника иголочку и нагнулся к мертвецу. Удалов отвернулся, чтобы не видеть этого зрелища. Кузнечик потерял сознание и с хрустом упал на пол. Прекрасная Тулия мелодично смеялась.

Неопрятный толстяк возвратился к пленникам, осторожно неся перед собой иголку и прикрывая ее ладонью, как огонек свечи. Удалов зажмурился. Раздался отчаянный крик Тори. Потом возникла пауза. Корнелий открыл глаза и увидел, что кузнечик медленно поднимается с пола.

Кузнечик отряхнул пыль с золотых штанов, потянулся, его лицо исказилось неестественной улыбкой, и он сказал, почти не шевеля губами:

– Спасибо, кузен, все в порядке, а то я за три дня соскучился без движения.

И, подчиняясь приказу своего нового хозяина, кузнечик пустился в пляс.

Раздались аплодисменты сановников и солдат.

– Тори! – воскликнул Удалов. – Тори, ты меня слышишь?

– Слышу, – ответил Тори, не переставая плясать. – Я счастлив. Теперь я буду спокойно наслаждаться нектаром и ни о чем не думать.

– Браво, – сказал Президент. – Следующий!

Операция с могильщиком заняла всего минуту, потому что иголочка с микробом была уже подготовлена. Могиль-

щик пытался сопротивляться, и Удалов даже рванулся, чтобы прийти к нему на помощь, но солдаты быстро подавили бунт, и еще через пять секунд могильщик объявил, что он тоже счастлив.

Остался один Удалов. Один несчастливый во всей этой большой удовлетворенной компании.

– Я займусь им лично, – сказал Президент, сходя с возвышения.

Солдаты подперли Удалова автоматами в спину, чтобы он не отступил, и Удалов решил, что не уронит своего достоинства даже в такой критической ситуации. Он замер и высоко поднял голову.

Старик шел с трудом, сановники поддерживали его под локти, и Удалов даже успел подумать, что, наверное, нельзя кормить одними лепестками такого пожилого и привыкшего к разносолам господина.

Не доходя до Удалова двух шагов, старик вдруг остановился. Внезапная тревога исказила его лицо.

– А вы уверены, что это тот самый Удалов? – спросил он.

– Совершенно уверены, – ответила прекрасная Тулия и достала из сумочки сложенный вчетверо лист бумаги. – Вот что написано в предсказании Острадама: «И прибудет на съезд делегат Земли Корнелий Удалов. И прославится на съезде большими делами. И будет от него страшная угроза могуществу микробов. И станет он…»

– Хватит, – прервал девушку Президент. – До сих пор

Острадам не обманывал. Хотя предсказания его туманны. Тебя зовут Корнелий? Ты с Земли?

– Меня зовут Корнелий Иванович Удалов, – сказал пленник. – Я прилетел с Земли, из города Великий Гусляр, и я клянусь посвятить все свои силы освобождению Галактики от паразитов.

– Тот самый, – сказал Президент. – Без сомнения. Ты от нас на Земле ушел, ты от нас на Альдебаране ушел, но здесь тебе деваться некуда.

Президент подошел вплотную, сложил губы трубочкой и заверещал:

– Скорее! Я хочу в новое тело. Мое старое умирает.

Тут Президент начал покачиваться, и ноги его подкосились.

Но Удалова это не спасло. Падающий Президент успел обнять Удалова старческими руками и вцепиться с такой силой, что стряхнуть его не было никакой возможности. Президент потянулся мертвеющими губами к губам Удалова. Несмотря на протестующие крики сановников, Удалову удалось отклонить голову, но что-то мелкое и шустрое пробежало у него по щеке и нырнуло в ноздрю. Тело Президента, лишенное хозяина, сползло на пол, и умирающий старик прошептал:

– Уничтожайте паразитов… пить!

– Воды! Дайте ему воды! – закричал Удалов. – Человеку плохо!

Он начал нагибаться к бездыханному Президенту, но что-то случилось с его позвоночником, что-то замкнулось в его грудной клетке, и Удалов замер в неудобной позе, услышав внутренний голос:

– Не надо, Удалов, не беспокойся. Все в порядке. Ты теперь не одинок в этом мире. В тебе есть верный и неотлучный друг. Угроза существованию микробов ликвидирована. И мы с тобой вместе будем бороться за счастье и благоденствие паразитов.

– Нет! – закричал было Удалов, но крик исчез, не долетев до рта, а вместо этого кто-то удаловским голосом сказал: – Отличное тело. Подвижное, крепкое, вполне достойное меня.

Раздались радостные крики сановников, к которым присоединились счастливые кузнечик и могильщик, а больше всех радовалась прекрасная Тулия, в которой, как узнал Удалов, жила сама Верховная матка племени микробов.

– Погодите, – мысленно сопротивлялся Удалов. – Вы не имеете права! Я буду жаловаться!

Но в ответ внутри Удалова, зарождаясь где-то в районе гайморовой полости, раздался тихий удовлетворенный смех, который перешел в убеждающий, мягкий и чем-то даже добрый голос Верховного микроба:

– Отныне, Удалов, мы с тобой будем жить безмятежно, питаться нектаром и беспрекословно выполнять все мои приказания. Мы будем кричать на всех перекрестках, что мы

счастливы. Мы будем ратовать за «послушание, прилежание и простоту». И ничего нам не надо, кроме моего счастья. А задумайся, как хорошо беспрекословно подчиняться, сколько это снимает с тебя проблем и забот. За тебя думает паразит, решение за тебя принимает паразит, даже зубы по утрам чистить необязательно, потому что паразиту плевать, чистые у тебя зубы или грязные. Мы с тобой, Удалов, покорим всю Вселенную, мы принесем счастье Галактике, мы принесем спокойствие Земле. Что такое? Что такое? Кто сюда идет?

Вдруг внутренний голос Удалова замолк, и Корнелий, все еще скованный волей Верховного микроба, обрел способность глядеть по сторонам и видеть, что творится вокруг.

Сановники о чем-то беседовали, могильщик принялся снимать мерку с трупа Президента, хотя, видно, в этом не было нужды, потому что солдаты уже приготовили ржавые крючья, чтобы оттащить труп старика на свалку. Прекрасная Тулия, не подозревавшая о том, что Верховный микроб столкнулся с какими-то неприятностями в недрах удаловского организма, подошла к нему и сказала:

– Полагаю, что моя оболочка все еще вызывает в тебе нежные чувства. Так что можешь пользоваться. И пока вы с Тулией будете любить друг друга, мы с Его Необозримостью займемся плодотворным обсуждением вопросов дальнейшей экспансии.

Глаза Тулии были пусты и показались Удалову совсем не такими прекрасными, как прежде.

– А как же любовь? – спросил он.

– Зачем тебе любовь? – удивилась Тулия. – Главное – простота.

– Прекратите! – произнесли губы Удалова помимо его воли. Видно, внутри его творилось что-то неладное. – Сейчас же отпустите меня!

– Что случилось? – всполошилась Тулия. – Что с тобой?

– На меня напали! Здесь полчища бандитов! На помощь! Спасите!

Тулия ударила Удалова по голове кулачком.

– Прекратите, подрыватель! – закричала она. – Оставьте в покое моего сына! Ты на кого поднял руку, подлец!

– Я совершенно ни при чем! – воскликнул в ответ Удалов, но слова получились смятыми и неубедительными, потому что сквозь рот Удалова рвались отчаянные вопли страдающего паразита.

Боль Верховного микроба передалась Удалову, и его начало корчить и мотать, разболелись одновременно все зубы, ломило голову и взрывалось в ушах. Удалов помимо своей воли совершал нелепый танец, закидывая руки, выпячивая живот и стуча ногами. Успела мелькнуть мысль, что он сейчас со стороны, наверно, похож на древнего шамана, но тут же эта мысль исчезла, и наступило помутнение сознания. И как будто сквозь туман к Удалову тянулись гневные руки сановников и его бывших товарищей – кузнечика и могильщика, все вокруг вопили, грозились убить Удалова и даже ста-

рались его убить, но мешали друг другу, и это Удалова спасло.

А тем временем изо рта Удалова продолжали вырываться страшные проклятия.

– Я гибну! – вопил Верховный микроб. – Меня окружили! Здесь хищные враги! Они едят меня! На помощь. Я не могу вырваться. Предательство… измена! Аааа.

И последний крик Верховного паразита угас, превратившись в невнятные всхлипывания. В ужасе сановники отшатнулись от Удалова, и он, избитый, измученный происходившей в нем борьбой, лишился чувств.

Глава пятнадцатая, в которой Удалов попадает в подземелье и встречается с предсказателем Острадамом

Когда Удалов пришел в себя, оказалось, что он лежит на холодном грязном полу тронного зала. В зале слышался гул голосов, но никто более Удалова не бил.

Удалов с трудом сел. Голова болела, все тело было измучено и не хотело подчиняться. Когда удалось сфокусировать зрение, оказалось, что сановники столпились вокруг золотого кресла, на котором сидела Тулия, и обсуждали создавшееся положение. На Удалова никто не обращал внимания.

Кузнечик суетился у трона, а могильщик стоял с солдатами неподалеку и с сочувствием смотрел на Удалова.

В этот момент сановники отошли от трона, и Тулия, обратив строгий, начисто лишенный любви взгляд к Удалову, сказала:

– Мы пришли к выводу, что в тебе, Удалов, несмотря на дезинфекцию, сохранились враждебные нам бактерии и вирусы. Разумеется, мы могли бы поместить в тебя для проверки еще одного из наших братьев, но риск его гибели слишком велик, и потому лучше тебя уничтожить. Надеюсь, ты согласен с нами, что такое решение разумно?

– Нет, – возразил Удалов. – Совершенно дикое решение.

– Но ведь ты убил лучшего из нас!

– Я никого не убивал. И никто не просил его в меня соваться.

– Удалов, нам, микробам, суждено покорить всю Галактику, и не пытайся встать на пути исторического регресса. Ты приговорен к уничтожению, однако исполнение приговора откладывается. Мы рассудили, что если ты нам опасен, то еще опаснее вся Земля. Вместо одного врага мы получили теперь шесть миллиардов врагов. А это нас удручает. Следовало серьезнее отнестись к предсказанию Острадама и уничтожить тебя на Альдебаране.

– Опоздали, – согласился Удалов. – Ваше дело проиграно. Учтите, что я самый средний землянин, а у нас есть очень умные люди.

– Мы учитываем, – сказала прекрасная Тулия. – Поэтому перед уничтожением ты подвергнешься пыткам для добровольной выдачи информации, которая позволит нам ликвидировать Землю. Увести его!

Солдаты знаками показали Удалову, чтобы он двигался к выходу, и Удалов не стал сопротивляться. Он так устал, что мечтал только об одном – немного поспать. А там видно будет. И он спокойно пошел к выходу.

На улице так же светило солнце, плыли кучевые облака, по соседней улице шла очередная демонстрация за увеличение потребления нектара, и никому не было дела до одинокого

человека, который попал в переплет и вполне мог сгореть на костре подобно Жанне д'Арк, Джордано Бруно и Тарасу Бульбе.

Перейдя площадь, Удалов оказался перед входом в тюрьму. Предупрежденный о его приходе, тюремщик открыл двери, а сам опасливо отошел, и это было понятно, так как на планете Кэ не было смысла держать преступников в тюрьме, когда их можно было использовать и перевоспитывать более надежным образом.

Скрипели ржавые двери, пыль поднималась с лестничных ступенек, и путешествие показалось Удалову бесконечным.

Наконец он добрался до нижнего этажа подвалов. Железная дверь с глазком отворилась перед ним, и Удалов оказался в холодном каменном мешке, освещенном голой лампой под потолком. Здесь стоял табурет, на полу валялась куча гнилой соломы, да в углу виднелась черная дыра в полу – простейшее туалетное устройство.

– Ну что ж, – сказал Удалов сам себе, – еще не вечер.

Глазок в двери приоткрылся, и женский голос произнес:

– Нет, вечер.

Удалов узнал голос прекрасной Тулии и крикнул в ответ:

– Я требую справедливого суда!

– Суд уже состоялся, – заявила Тулия. – Ты приговорен к сожжению на костре за убийство Президента этой планеты.

– Постойте! – возмутился Удалов. – Но ведь суда не было и я ни в чем не признавался! И Президента я не трогал. Вы

его сами лепестками уморили.

– Не важно! – ответила Тулия из-за двери. – Копия приговора после вынесения наказания будет послана на СОС и на Землю, чтобы все морально осудили убийцу.

Четкие шаги Тулии удалились, и наступила тишина, которую нарушали лишь капли, падавшие с потолка каменного мешка. Удалов вытащил из кармана коробочку со скорпиончиком. Скорпиончик посмотрел на Удалова с осуждением, видно, никогда еще не попадал в такую ситуацию. Потом мелко задрожал хвостом и начал согревать промозглый воздух. Запахло флоксами, и Удалов немного приободрился.

Согревшись, Удалов свернулся калачиком на соломе и задремал, во сне увидел родной город, жену Ксению в процессе приготовления блинов, сына Максимку, бегающего по зеленой лужайке перед церковью Параскевы Пятницы с сачком для ловли бабочек в руке, а также школьного друга Колю Белосельского, который уверенно говорил: «Не падай духом, Корнелий! Мы не оставим тебя в беде! Мы не поверим клевете, которую распространяют о тебе злые силы реакции! Вся Земля, затаив дыхание, следит за твоей неравной борьбой за справедливость и национальное освобождение трудолюбивых обитателей планеты Кэ от жестоких угнетателей. Мы с тобой, Корнелий!» Застучали барабаны, и Корнелий проснулся.

Оказалось, что кто-то негромко стучит в стену. Но не равномерно, а прерывисто, словно это азбука Морзе, которую

Удалов, к сожалению, не знал.

Удалов протянул руку к стене и, отогнав мокрицу, постучал в ответ.

– Не падай духом! – услышал он незнакомый голос.

Удалов поднял голову и увидел, что в дыре под потолком камеры появилась человеческая голова. Голова подмигнула Удалову и повторила:

– Главное, не падать духом.

– Это вы стучали? – спросил Удалов.

– Я. – Человек оглушительно чихнул и сказал: – Извините, у меня насморк.

– Что вы здесь делаете?

– Я не делаю, я сижу в соседней камере и жду смерти.

– Кстати, я тоже, – сказал Удалов. – Удивительное совпадение. Вы тоже кого-нибудь убили?

– Нет, – ответил человек. – Я самоубийца. Разрешите, я к вам слезу, а то мне очень неудобно разговаривать на весу.

– Разумеется, – согласился Удалов. – Я буду рад.

– Тогда подойдите поближе и подставьте мне спину. Вы же не хотите, чтобы я сломал ноги?

– Ни в коем случае, – сказал Удалов и подошел к стене.

Человек протиснулся в дыру, тяжело спрыгнул на спину Удалова, съехал по ней на пол и оказался коренастым карликом с пышной смоляной шевелюрой.

– Спасибо, – поблагодарил карлик, запахиваясь в парчовый халат и усаживаясь на единственную табуретку. – Мне

очень приятно с вами познакомиться, Корнелий Иванович, потому что я до определенной степени виновник всех ваших несчастий.

– А я думал, кто же во всем виноват? – сказал Удалов. – Зачем же вы так?

– Исключительно из-за тщеславия и любви к роскоши. У вас закурить не найдется?

– Не курю.

– Знаю. Это я так, для того, чтобы переменить неприятную для меня тему. Я ненавижу доставлять людям неприятности, всю жизнь с этим борюсь. И вы представить себе не можете, сколько неприятностей я им доставил. И себе тоже.

– А вы кто будете по специальности?

– Предсказатель.

– Что-то вроде фокусника?

– Хуже, – вздохнул карлик.

Они помолчали. Потом Удалов сказал:

– Вот меня здесь все знают, а представиться забывают.

– Мой псевдоним – Острадам. А имя мое никому не известно.

– Очень приятно. А меня откуда знаете?

– Ничего удивительного. Вы, Корнелий, личность известная и перспективная.

– Если бы я был необыкновенным, – возразил Удалов, – меня не пригласили бы на СОС. В обыкновенности моя сила.

– Тоже правильно. Но вы же самый обыкновенный из всех

обыкновенных. Это уже уникальность. У вас закурить не найдется?

– Я не курю.

– Знаю. Простите. Измучился без курева. Третью неделю держат меня здесь на одном цветочном нектаре. Скорей бы уж казнили.

Карлик расчихался, и прошло минуты две, прежде чем он смог продолжить разговор.

– Погодите. – Удалова посетило страшное подозрение. – А как же вы?

– Чего?

– Как же вас казнить, если в вас сидит уважаемый паразит?

– Нет во мне паразита, – ответил карлик.

– Наверное, это провокация, – сказал Удалов. – Здесь во всех паразиты. Даже во мне был, только я его укокошил.

– Знаю. Вся планета знает. Хотя твоей заслуги, Корнелий, в этом не было. Случайность, скажем, отсталость Земли. Во всей Вселенной вирусы и прочие микроорганизмы побеждены, а на Земле еще существуют.

– А вы подумайте, – возразил Удалов, – кому в результате лучше? У меня иммунитет такой, что даже Верховного микроба победил. А вы все сдаетесь на милость паразитов.

– Я не сдаюсь, – ответил Острадам. – Я предпочел смерть.

– Что-то не верится, – сказал Удалов. – Паразиты бы этого не допустили.

– Как видишь, допустили.

– А можно, я тебя одним вопросом проверю? – спросил Удалов.

– Валяй.

– Ты любишь цветочные лепестки?

– Хуже дряни в Галактике еще не придумано.

– Да, похоже, что нет в тебе микроба. Так почему же они в тебя не залезли?

– Это долгая история. А у нас времени мало.

– А ты вкратце расскажи. Конспективно.

– Постараюсь. Дело в том, что в молодости я любил путешествовать. И однажды за черной дырой, в двойной туманности, у белого коллапса угодил в водоворот времени, где перепутано прошлое и будущее.

– Ну и что?

– Я из этого водоворота полгода выбраться не мог. Чего только не насмотрелся! Кое-что запоминал, в блокнот записал. А дальше все просто. С твоим, Удалов, жизненным опытом и проницательностью тебе нетрудно понять, как велик был соблазн прославиться, когда я вернулся и увидел одного некрупного политического деятеля, о котором я в водовороте подсмотрел, что лет через пять он станет премьером своей страны.

– Так ты все про будущее знаешь? – спросил Удалов.

– Какое там! Ничего подобного. Случайные клочки. Даже не всегда известно, что уже было, а что будет. А уж тем более

сомнительно, где происходит действие.

– Так как же ты с такой недостаточной информацией в предсказатели полез?

– А чем я хуже других предсказателей?

– А разве лучше? Людей обманываешь.

– Не скажи, Удалов. Ведь другие предсказатели вообще ничего не знают, а я недостаточную информацию имею. Вот и преуспел.

– Как же тебе с такой информацией удалось преуспеть?

– Про премьера я угадал. Кое-что еще вспомнил. Тоже угадал. Известность моя росла. Ну и опыт ширился. Ведь людям надо давать, что они хотят. Они и довольны. Если я угадывал, они мне верили, запоминали, а если ошибался, находили мне оправдание, забывали. И стал я постепенно гордостью моей планеты.

– Сомнительная слава, – сказал Удалов.

– Не спорю. И должен тебе сказать, что слава моя особенно выросла, когда я занялся предсказаниями в космическом масштабе. В моем блокноте накопилось множество имен и названий. Некоторые я расшифровал, другие нет, и стал я употреблять их в своих предсказаниях. И тоже не без попадания в цель. Представляешь, Удалов, нежданно-негаданно приходит нота из какого-нибудь инопланетного посольства: какое вы имеете право предсказывать трагическую гибель нашему любимому диктатору? Я молчу, а диктатор вскоре попадает в автомобильную катастрофу. Кто об этом преду-

преждал? Я предупреждал. Но погубил я себя тем, что переоценил свои силы. Обленился, устал, захотел свободной и вольготной жизни и решил покончить с будущим одним ударом. Составил общее предсказание на двадцать лет вперед. Войны предсказал, смерти, художественные выставки, полярные сияния – в общем, побаловался на славу. И в конце пошутил: предсказал собственную смерть. Ха-ха!

Но Удалов не засмеялся. Он спросил серьезно:

– А основания у тебя к этому были?

– Ровным счетом никаких оснований, – сказал карлик. – Но пойми меня, к своей работе я относился халтурно, а двадцать лет показались мне гигантским сроком.

– Нет, – возразил Удалов, – двадцать лет – это совсем не такой большой срок. Я, как сегодня помню, влюбился в одну девушку.

– Ты чего замолчал? Говори. Я не выдам.

Удалов покачал головой. Нахмурился:

– Нет, я просто забыл. Вроде бы влюбился, но в кого, почему и чем это кончилось… забыл.

– Бывает, – кивнул предсказатель. – У меня хуже получилось. Из-за моей великой славы и непоколебимой репутации. Поверили мне, размножили мое всеобщее предсказание в миллионах экземпляров, развешали во всех общественных местах и в частных жилищах, осыпали меня золотом, предоставили все жизненные удовольствия. Растолстел я страшно. У тебя закурить не найдется?

– Я не курю, – сказал Удалов.

– Почему же мне кажется, что ты куришь? Странно. И вот началась на моей планете нелепая жизнь. Допустим, предсказал я на июнь войну с соседями. Наше правительство послушно собирает армию и начинает войну. Даже никому в голову не приходит, что я могу ошибиться. Только война кончится, а по моим предсказаниям – проливные дожди и наводнение. И хоть ни одного дождя не намечается, открывают плотины и заливают поля и города. Предсказал я, допустим, смерть председателя землевладений. И что же ты думаешь? Он с горя проводит ночь перед смертью в кабаках, нажирается как свинья и помирает от несварения желудка. Не предсказал бы я, жил бы он и сегодня. Понимаешь, куда я клоню?

– Грустную историю ты рассказываешь, – огорчился Удалов. – Историю о человеческом легковерии и твоей безответственности.

– Все это я понимал, не такой уж дурак. Но ты и меня пойми! Даже если бы я вышел на площадь и сказал народу: обманываю я вас, родимые, не верьте мне, грешному! Что бы из этого вышло?

Удалов задумался и ответил правдиво:

– Полагаю, ничего бы не вышло. Но поверили бы тебе. А твои предсказания всей Галактики касались?

– С другими планетами я осторожнее был. Опасался конфликтов. Но некоторые туманные сведения поместил в свою

сводку, не удержался. О тебе, например.

– Что обо мне? – спросил Удалов.

– А разве тебе микробы не зачитывали?

– Читали. Что я им угроза и так далее.

– Так у меня написано следующее: «И прибудет на съезд СОС делегат Земли Корнелий Удалов. И прославится на съезде большими делами. И будет от него страшная угроза могуществу микробов. И станет он…»

– А дальше что?

– А дальше я и сам не знаю. Понимаешь, Корнелий, в водовороте времен увидел я тебя в каком-то большом зале. Там все кричат: «Слава делегату Земли Корнелию Удалову! Изберем его! Он достойный! Он – гроза микробов». И так далее в этом роде. Полная абракадабра с точки зрения моего тогдашнего положения.

– А может, еще чего увидел? – спросил Удалов недоверчиво.

– Может, и увидел, – улыбнулся карлик, показав мелкие желтые зубы. – Но считай, забыл.

Удалов не стал настаивать. Настоишь, а окажется, что карлик видел твою смерть. И будешь ты переживать. Нет, лучше не знать своего будущего.

– Жил я безмятежно девятнадцать лет и несколько месяцев. Вдруг ощущаю, стали на меня как-то странно посматривать окружающие. И дружат уже не так горячо, и девушки меня меньше любят, а родственники с каждым днем все на-

стойчивее намекают, что пора бы мне составить завещание. Проснулся я однажды утром, и на меня снизошло озарение! Ведь моя смерть надвигается! Они ее все ждут не дождутся. Я им за последние двадцать лет осточертел до безумия. Представляешь, все время поглядывай в мой списочек: то на войну идти, то на похороны. Ой, подумал я, если сам в назначенный день не погибну, они меня задушат! Ни минуты лишней не дадут прожить. Ни друзья, ни родственники, ни общественность. Смотрю на календарь – а жизни мне осталось чуть больше месяца. У тебя закурить… Ах да, ты не куришь.

Карлик замолчал, задумался. Удалов не посмел его торопить, хотя стал нервно прислушиваться, не приближаются ли к двери шаги. В любой момент могли войти палачи.

– В тот же день вышел я из дому, будто бы за сигаретами, купил в ближайшем театральном магазине темные очки и рыжий парик – и прямым ходом на космодром. Сел в первый же корабль и был таков. Только мы вышли в открытый космос, как нас догнал военный корабль и взял меня в плен. Оказалось, это была работорговая экспедиция микробов с планеты Кэ. Согнали всех пассажиров в салон и начали внедрять в нас микробов. Дошла очередь до меня, я стал сопротивляться, потерял в борьбе очки и парик. И тут меня узнали. Видели в газете мою фотографию. Я тогда не знал, что микробы, как прочли мое туманное предсказание об угрозе Удалова, всполошились. Пожелали со мной встретиться.

И представляешь, я попадаюсь к ним в лапы! «Ты что это летишь инкогнито?» – спросили они меня. Я ответил честно: «Поглядите в мое комплексное предсказание. Жить мне осталось три недели». Тогда они привезли меня сюда и посадили в подвал. Пригрозили, что, если не скажу им все, что знаю об удаловской угрозе, они приблизят мою смерть. Конечно, это всё шутки. Мою смерть они приблизить не смеют. Зато и внедриться в меня не пытаются. Кому хочется занимать свободную квартиру всего на три недели?

Карлик закончил. Удалов подошел к двери. В коридоре было тихо.

– Значит, эти микробы меня с самого начала опасались?

– Мне все верят, – произнес гордо карлик.

– Ну уж не все, – сказал Удалов. – В Великом Гусляре я ни одного не видел.

– Земля – окраина Галактики, – сказал карлик, который в гордыне своей бывал неделикатен.

– Тогда чего ж они на Земле меня не задержали?

– Не успели. Они, как я слышал, позвонили какому-то Белосельскому, чтобы он тебя на съезд не пускал.

– Я с ним в школе учился, – сказал Удалов. – Хороший человек, не подведет. Если бы он здесь был, наверняка бы придумал, как нас с тобой спасти. Он и в школе был отличником.

Далеко, в недрах тюрьмы, послышались шаги палачей.

– Ну вот, – вздохнул Удалов. – Придется, видно, погибать.

– Нет, погибать нельзя, – решительно заявил карлик. – Не могу я этого допустить. Профессиональная гордость не позволяет.

– Ну при чем тут твоя профессиональная гордость, когда тебе со дня на день помирать пора?

– Не обо мне речь. Я предсказал, что ты прославишься на съезде большими делами? Я предсказал, что от тебя будет страшная угроза микробам? Если тебя замучают, мое предсказание не сбудется. Это позор, который будет преследовать меня и после смерти. Пошли. Будем тебя спасать.

– Как? – спросил Удалов, прислушиваясь к шагам палачей.

– Лезь в дыру, через которую я сюда проник. Давай я подсажу тебя, а ты потом мне руку дашь.

Так они и сделали. И вовремя. В тот момент, когда ноги карлика скрывались в дыре, дверь в камеру Удалова открылась и вошли палачи в водолазных костюмах.

Глава шестнадцатая, в которой рассказывается о событиях, вызванных исчезновением Удалова

Удалов, переползавший, обдирая колени, в соседнюю камеру подземной тюрьмы на планете Кэ, и не подозревал, что его исчезновение уже вызвало цепную реакцию значительных событий в разных местах Галактики.

На самом СОС, когда Удалов не появился на вечернем заседании, его отсутствие было замечено. Все-таки не последний человек на съезде.

Послали в гостиницу. В гостинице Удалова тоже не обнаружили.

Начали всех опрашивать, а так как делалось это организованно, в масштабе всей планеты, то поговорили и с уборщицей из Атлантиды. Уборщица рассказала, что Удалов сгорает от любви к ее пропавшей дочери и вполне мог отправиться на поиски своей возлюбленной. Заглянули в кино и увидели там фильмы из юношеских воспоминаний Корнелия Ивановича, принялись искать кузнечика. А кузнечик тоже пропал. Поиски продолжались до вечера, а вечером на планете Сапур обнаружили покинутый корабль, в котором туда прилетели Удалов с кузнечиком. В корабле еще сохранились микросле-

ды пропавших и следы неизвестного третьего лица, которое в материалах следствия именовалось «Х», хотя на самом деле это был могильщик.

Загадка исчезновения Удалова встревожила весь съезд. Специальные группы обыскивали планету Сапур, другая группа улетела на Альдебаран, чтобы искать там следы красавицы Тулии, остальные следователи и добровольцы из делегатов разыскивали Удалова на планете, где проходил съезд. Оргкомитет съезда подал в отставку, которая не была принята. Под сомнение встал один из основных принципов съезда – безопасность его участников.

Ночью руководство съезда в качестве последней меры связалось с Землей. Телефонный звонок поднял с постели Николая Белосельского.

– Нет, – сказал он твердо, когда выслушал тревожное сообщение из космоса, – Удалов домой не возвращался, да и не мог он возвратиться за один день. Для того чтобы долететь от центра Галактики до Земли, надо потратить как минимум двое суток. Вы это знаете лучше меня.

– Но мы решили не упускать никаких шансов.

– Правильно, – согласился Белосельский. – Тем не менее чудес не бывает. Ищите Удалова в вашем районе. Желаю успеха.

Руководители СОС заверили Николая Белосельского, что будут приняты все возможные меры, и повесили трубку.

– Чепуха какая-то, – сказал сам себе Белосельский, спус-

кая ноги с кровати и закуривая. Спать, естественно, расхотелось. – Все беды происходят от друзей детства. Как бы я хотел работать в Петропавловске-Камчатском.

Но рассуждения рассуждениями, а Белосельский был человеком действия. И хотя шансов найти Удалова в Гусляре практически не было, он докурил сигарету, оделся и пошел на Пушкинскую улицу, к дому № 16, в котором раньше жил Удалов.

Город спал, нежась в объятиях летней ночи. Звезды, мигавшие сквозь темную листву, казались декоративными украшениями. Во дворе двухэтажного дома Белосельский остановился и поглядел на знакомое по детским годам окно. Его вдруг посетила странная надежда, что все, чему он был свидетелем в последние дни, – дурной сон. И Удалов сейчас мирно спит или читает, не подозревая ни о каких СОС. К сожалению, Белосельский вынужден был отогнать эту эфемерную надежду. Он знал, что чудес не бывает. Он знал, что, к сожалению, действительность сурова и обыденна: Удалов улетел на съезд в другой сектор Галактики и пропал там без вести.

Белосельский вздохнул, посмотрел на часы, которые показывали уже первый час, и, стараясь не скрипеть ступеньками, поднялся на второй этаж, к квартире школьного друга.

Ксения открыла почти сразу. Она не спала. Ее круглое, чем-то схожее с удаловским лицо было сковано тревогой.

– Коля! – воскликнула она громким шепотом. – Ты!

Колю Белосельского она знала по школе, а также по пионерскому лагерю. Тогда она была тонкой смешливой девчонкой с косичками, как крысиные хвостики, а Коля был высоким тонким подростком, который проводил все свободное время с книгой в руках, хотя при этом неплохо играл в гандбол, отлично катался на лыжах и исключительно бегал стометровку.

– Коля, – сказала Ксения, – заходи. Дети спят. Что случилось с Корнелием?

Она так уверенно произнесла эти слова, что Белосельский понял, что он совершил ошибку, придя к Удаловым домой.

Лгать подруге детства он не сможет.

– Удалов пропал, – сказал Белосельский.

– Я так и знала, – прошептала Ксения. – Не надо было нам его отпускать.

Ксения первой вошла в комнату и без сил опустилась на диван. У нее хватило духу лишь протянуть руку к буфету и показать Белосельскому, где стоит валерьянка.

Накапав лекарства, Белосельский сел на стул и подождал, пока Ксения окончательно возьмет себя в руки. Все в этой комнате возбуждало в нем детские воспоминания. Сколько проказ было задумано здесь, сколько шпаргалок написано, сколько томов энциклопедии прочитано!

– Извини, Коля, – сказала Ксения, – но пойми меня правильно.

– Я все понимаю, Ксения.

– Он бросает меня одну с двумя детьми, уматывает неизвестно куда, ради сомнительной космической дружбы. А теперь вот это! Он себе новую бабу нашел! – произнесла вдруг Ксения громко и ударилась в слезы. – Стонет мое раненое сердце.

– Ну погоди, при чем тут баба? – возразил Белосельский. – Твой муж уехал делегатом на съезд, прошло всего четыре дня, а пропал он только сегодня утром.

– Что, мало ему времени? Достаточно. И не утешай. Не утешай. Если не баба, значит, он погиб!

– У тебя всё крайности, – сказал Белосельский. – Я-то подумал, что он по дому стосковался, уже вернулся. Иначе бы и не стал тебя так поздно тревожить.

Но Ксения не слушала утешений Белосельского. Она решительно поднялась, распахнула дверцы шкафа, достала оттуда выходное платье, бросила на диван и приказала Белосельскому:

– Отвернись.

– Ты чего задумала? – спросил Белосельский.

– Лечу туда. Без меня им не обойтись. Если уж я его не найду, никто его не найдет. Окрутит она его, как пить дать.

– Но как же так, ночью, без договоренности.

– Вот ты сейчас и договорись. Гуманист ты, в конце концов, или нет?

– Гуманист, – согласился нехотя Белосельский.

– Тогда звони им, чтобы присылали транспорт. Без замед-

ления. Не смогли моего мужа сберечь, будут со мной сотрудничать.

– Ксюша, Ксюша, – пытался урезонить ее Белосельский, но Ксюша уже повернулась к другу детства округлой спиной и приказала:

– Застегни «молнию». Надо бы мне поменьше мучного есть.

И, застегнув «молнию», Белосельский пошел к телефону. Он знал, что с разъяренной Ксенией Удаловой ему не справиться.

Глава семнадцатая, в которой предсказатель ведет Удалова к иным мирам

– Я не зря провел две недели в подземелье и выдержал пытки этих мерзавцев, – сказал карлик, когда они оказались в его камере. – В камере нашлась лопата, которую забыли унести после ремонтных работ. Я выкопал подземный ход и совершенно случайно попал прямо в подвал лаборатории знаменитого профессора.

– А где профессор? – спросил Удалов, прислушиваясь к тому, как взволнованно переговариваются за стеной палачи.

Через минуту они обязательно увидят дырку под потолком.

– Профессор не выдержал в себе микроба и умер от стыда и унижения. К счастью, его лаборатория была закрыта на ключ, и микробы не догадались ею воспользоваться. Я полезу первым, я потоньше тебя, а если будешь застревать, я тебя буду тянуть. Но тебе придется раздеться.

– А если там холодно?

– В одежде ты застрянешь. Я сам копал, точно знаю.

Удалов колебался. Ему было неловко остаться без верхней одежды в чужом мире. Но в голосе карлика звучала такая уверенность, что Удалов подчинился, сбросил пиджак,

рубашку, начал снимать брюки и замер, услышав прямо над головой торжествующий крик:

– Вот он! Держите его!

Удалов взглянул наверх. Там, в дыре, торчали две головы в водолазных шлемах. Палачами оказались бывший могильщик и прекрасная Тулия.

Карлик уже нырнул в подкоп и позвал оттуда:

– Скорее!

Удалов наступил на брючину, чуть не упал. Его спасло лишь то, что преследователи в желании скорее пробраться сквозь дыру мешали друг другу и застряли.

Удалов нырнул в черный зев подкопа. Впереди слышалось частое дыхание карлика. Стены подкопа сжимали тело Корнелия, и он мысленно поблагодарил карлика за то, что тот посоветовал раздеться. В пиджаке Удалов давно бы застрял. Впрочем, он и без пиджака раза три застревал, и карлику приходилось тащить его за уши.

Через несколько минут, измаранный в земле, исцарапанный, измятый, с горящими ушами, Удалов стоял в подвале лаборатории покойного профессора. Вокруг высились приборы и аппараты, горели светильники – все, к счастью, осталось таким же, как в тот момент, когда профессор попал в плен к микробам.

– Что теперь? – спросил Удалов.

– Профессор занимался проблемой мгновенных путешествий, – сказал карлик. – Проблема еще совсем не исследо-

вана. Вот из этой машины можно ступить в один из миллионов миров Галактики. Только не знаю, в какой попадем.

– А может быть, нам здесь остаться? Доберемся до космодрома, залезем в корабль.

– Доберешься! – возмутился карлик. – На этой планете все начеку, все с микробом в сердце. Мы и двух шагов по улице не сделаем, как попадемся. Единственный шанс – поискать по другим планетам какой-нибудь выход к нормальным людям. Нам нужна планета, куда прилетают космические корабли. Может, не сразу, но мы ее отыщем.

Из подкопа послышалось тяжелое дыхание.

– По-моему, там кто-то застрял, – сказал карлик.

– Не уходи, – послышался из-под земли глухой голос Тулии. – Поговорим по-дружески.

– Знаем мы вашу дружбу, – ответил печально Удалов.

Сердце его было неспокойно. Он не мог окончательно изгнать из него любовь к несчастной красавице. Поэтому, пока карлик готовил приборы, чтобы перейти в параллельный мир, Удалов склонился к подкопу и сказал:

– Тулия, я тебе обещаю, что приму все меры, чтобы освободить тебя от паразита и вернуть маме.

– Спаси, – послышалось в ответ, но тут же вырвавшаяся из сердца девушки благодарность оборвалась, и Верховная матка микробов произнесла тем же сладким голосом: – Доберусь я до тебя!

– Сюда, Корнелий! – позвал карлик. – Путь открыт.

И Удалов, не дожидаясь, пока Верховная матка приведет свою угрозу в исполнение, кинулся к карлику, который раскрыл люк в сложной и громоздкой машине. Удалов последовал за карликом и мгновенно оказался на какой-то другой планете.

Неизвестная планета показалась Удалову гостеприимной и мирной. На ней свежий ветер шуршал сосновыми иглами, пели птицы, журчали ручьи и парили стрекозы.

– Ну прямо как дома, – порадовался Удалов. – Даже жаль, что фотоаппарата нет. Вот бы знакомые удивились такому сходству.

– Пошли, не теряй времени даром, – подгонял карлик. – В любой момент может показаться погоня.

– Разве ты дверь за нами не закрыл?

– А как закроешь? – спросил карлик сварливо. – На ней не написано. К тому же, если мир не тот окажется, нам придется возвращаться и искать другой.

– А если они засаду устроят?

– Надеюсь, что нет. Надеюсь, что они за нами побегут.

Удалова эти слова мало успокоили. Но может, они с первого раза попали в подходящий мир, откуда есть сообщение с СОС?

– Далеко отходить не будем, чтобы не заблудиться, – сказал карлик.

Они оглянулись. Машина, сквозь которую они сюда попали, вылезала черным боком на поляну, и ее было видно из-

далека. По узкой тропинке путники сошли к реке.

Удалов опустился на корточки, чтобы вымыть в прозрачной воде руки и лицо. Тут он увидел свои обнаженные ноги и вспомнил, что он в одних трусах. Стало неловко.

Вдали послышались выстрелы.

– Ого! – воскликнул карлик. – Ладно, пошли. Там разберемся.

Но пойти сразу не удалось. Из машины выскочили палачи. Карлик оказался прав. Тулия была в серебристом купальном костюме, могильщик в балахоне, шляпа в руке. Водолазные костюмы они сняли, иначе бы им никак не пролезть в подкоп.

Преследователи оглядывались, размышляя, куда могли скрыться беглецы. В руках у них поблескивали пистолеты.

Не обнаружив следов, носители микробов быстро пошли к лесу.

Удалов с Острадамом, подождав, пока палачи скроются из глаз, перебежками, пригибаясь и даже иногда падая на землю, побежали в другую сторону.

Когда беглецы решили, что опасность миновала, они выпрямились и помчались со всех ног. Они так спешили, что ничего не слышали и не видели. И это их чуть не погубило.

Жжик! – просвистела пуля у самого уха Удалова.

Жжик! – другая пуля вонзилась в ствол дерева рядом с карликом.

Беглецы упали в траву.

– Это что такое? – спросил Удалов.

– Это разумные существа, – ответил с сарказмом карлик. – С разумными всегда надо быть настороже.

В чаще леса затрещали ветки, и через несколько секунд на прогалине появились двое мужчин. Удалов сразу угадал, что это охотники. Он немало насмотрелся на них дома, хотя сам относился не к охотникам, а к рыболовам. Охотники огляделись, потом один из них произнес:

– Он, наверно, в кусты ушел. Я его подбил.

– А я моего точно ранил. Далеко им не уйти. Славная добыча.

– Что-то он мне показался незнакомым, – сказал первый охотник.

– Моего я тоже не встречал.

– Смотри, как бы нам случайного не угрохать.

– Да не должно быть. Случайные в сезон сюда не сунутся.

Охотники собрались было уходить, и тогда карлик достал носовой платок и принялся им размахивать, прячась за поваленным деревом.

Охотники заметили этот сигнал и подняли ружья.

– Мы сдаемся! – крикнул карлик. – Мы случайные прохожие, а не дикие звери!

– Тогда вставайте, только руки держать над головой, – приказал один из охотников. – А то мы рисковать не хотим.

Беглецы медленно поднялись из травы, держа руки над головами.

– Так вы, говорите, случайно здесь оказались? – спросил охотник, подходя поближе и не спуская их с прицела.

– Мы даже не с этой планеты, – пояснил Удалов.

– В самом деле, на охотников не похожи, – сказал второй охотник.

– И на дичь тоже, – постарался улыбнуться Удалов.

– А при чем тут дичь? – удивился охотник.

– Так вы же нас чуть не подстрелили!

– Правильно! А при чем здесь дичь?

– Но вы же охотники? – спросил Удалов.

– Разумеется, охотники. Самые настоящие.

– Значит, вы охотитесь на дичь. Или на зверя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.